

1909 г.

(Продолжение)

№ 8. 14 = Ноем. 1909

Два дня въ Ясной Полянѣ.

УШ *).

Необычайные гости и прогулка.

Завтракъ кончился, когда въ залъ вошли два гости. Это были молодые люди лѣтъ 20-ти, въ крестьянской одеждѣ, чистой, приличной, но босые. Не думаю, чтобы это мнѣ вообразилось, потому что я тогда же сѣла за столъ, что передо мной «тодстовцы», никогда раньше невиданные.

Левъ Николаевичъ и Софья Андреевна привѣтствовали молодыхъ людей и усадили за столъ. Вегетарианскаго кушанья было вдоволь, и необычайные гости усердно принялись завтракать, какъ равные съ равными, съ полнымъ достоинствомъ, какъ люди, привычные къ обществу. Съ такимъ же достоинствомъ, не стѣняясь, но вѣжливо, они разговаривали. Если бы не одежда, никто не принялъ бы ихъ за крестьянъ или рабочихъ.

Они сидѣли противъ меня, и я съ понятнымъ вниманіемъ оглядывала ихъ. Одинъ, помельше ростомъ, рыжій, съ заросшимъ рыжими волосами лицомъ, небрежно торчавшими клочками во всѣ стороны, выглядѣлъ невзрачно, угрюмо, сосредоточенно, безъ малѣйшей улыбки; но ничто отталкивающее не возбуждало. Другой молодой человѣкъ представлялъ совершенную противоположность. Рослый, стройный, болѣе молодежавый, съ густой шеткой коротко остриженныхъ черныхъ волосъ, съ едва пробивавшимися усиками, загорѣлый, онъ дышалъ здоровьемъ и силой. И онъ держался серьезно, вдумчиво, но часто самая привѣтливая улыбка озаряла его лицо, и тогда весело блѣгли два ряда ровныхъ, красивыхъ зубовъ.

— О какомъ же вырожденіи народа толкуютъ, если деревня поставляетъ такихъ молодцовъ?— можно было подумать, глядя на этого парня.—Ему гвардію украшать.

Но молодые люди не только не мечтали о подобныхъ украшеніяхъ, но и явились къ Леву Николаевичу за совѣтомъ и нравственной поддержкой.

Левъ Николаевичъ увелъ ихъ въ свой кабинетъ, а мнѣ въ это время рассказали исторію этихъ молодыхъ людей. Несмотря на молодость, они имѣли уже свою исторію. Оба были въ гимназій; одинъ, рыжій, дошелъ уже до высшихъ классовъ, но оба бросили учебу, какъ не ту «науку», которая требуется для праведной жизни. Они безупречнаго поведения, работящие: не желаютъ отрываться отъ земли, чуждаются городской жизни, фабрики, не пьютъ. Самъ г. Челышевъ не трезвѣе. Рыжій, бросивъ гимназію, скитался гдѣ-то, оставивъ семью; но потомъ сплелся, что скитаніе его наносить отороченіе матери, вернулся и помогаетъ семьѣ. Припомнивъ его вѣрность, весь обликъ его, мнѣ кажется, что изъ такихъ людей вырабатывались предвѣные или, по меньшей мѣрѣ, дяди Власы: только едва ли они станутъ теперь собирать гроши «на постройку хамовъ». Имъ владѣетъ, по моему, не столько религиозный, сколько социалистическій инстинктъ.

Левъ Николаевичъ ухаживалъ съ г. Гальденрейхеромъ кататься верхомъ, а молодые люди вернулись попрощаться. Я подошелъ къ нимъ; мнѣ стало жаль ихъ, и я участливо спросилъ:

— Неужели вамъ неизвѣстно, что за уклоненіе отъ военной повинности положено наказаніе?

— Знаемъ; но мы не можемъ.

— Видь, это могутъ счесть за трусость...

— Мы не трусы, не скрываемся, не бѣжимъ, а безъ обмана, прямо заявляемъ...

— Но васъ могутъ отдать въ дисциплинарный батальонъ?

— Это ужъ ихъ дѣло, а не наше. Мы не противимся, ничего худого, грѣховнаго не дѣлали и дѣлать не ставимъ.

Ни малѣйшей рисовки. Они ушли, и мнѣ все же было ихъ очень жаль.

Пока Левъ Николаевичъ катался верхомъ съ г. Гольденвейзеромъ, графиня Софья Андреевна предложила мнѣ осмотрѣть яснополяскую усадьбу и окружающій ее паркъ.

Погода стояла чудная. Въ паркѣ было тихо и пахло увядшими листьями, обильно засыпавшими длинными, старыми аллеями. На грядкахъ передъ домомъ виднѣлись еще остатки цвѣтновъ, а на одномъ кустѣ цвѣтѣла роза. Софья Андреевна по поводу этой одинокой, осенней розы продекламировала мнѣ нѣсколько стиховъ, — кажется, изъ Фета, — и пояснила, что она очень заботится о цвѣтахъ потому, что Левъ Николаевичъ очень ихъ любитъ. Меня это нисколько не удивило. Въ какихъ бы выси ни уносились мысли великаго писателя и «учителя жизни», — все прекрасное можетъ этому лишь соответствовать. Въ цвѣтахъ тоже отражается «божественность», какъ во всѣхъ красотахъ природы, какъ въ музыкѣ, живописи, скульптурѣ и вдохновенномъ, талантливомъ, проникнутомъ добромъ словѣ. Толстой все это любитъ, какъ бы онъ иной разъ ни отрекался отъ своего художественнаго.

Рѣдкое мастерство, необычайная художественная сила сказываются во всѣхъ его, самыхъ упрощенныхъ по внѣшности, публицистическихъ произведеніяхъ и подтверждающихъ ихъ разсказахъ. Отъ музыки же онъ и не отрекается, — такъ она ему нужна, такъ совпадаетъ съ его душевными настроеніями. Если Левъ Николаевичъ неодобрительно, иногда даже резко отзывался по поводу иныхъ современныхъ литературныхъ и драматическихъ произведеній, то ихъ уродство, бессодержательность, бездарная погоня за извѣстностью, въ видѣ явной «новомодности», а весьма часто грязная пошлость и растлывающія уродливости, даже продажность, весьма попятно, не могутъ вступать сочувствія во вкусахъ и воззрѣніяхъ великаго писателя. При необычайныхъ богатствахъ писательскаго таланта даже непотребная противъ истинныхъ задачъ литературы произведенія представляются для

Толстого второстепенными, неважными.

какъ все, что дается въ обилии и легко, безъ особаго труда.

По шуршащимъ листьямъ обходили мы длинныя, въковыя аллеи, говоривши воображенію о дѣйствующихъ лицахъ «Войны и мира»: вставали тѣмъ генералъ-антъ-шефъ князя Болконскаго и удавшаея около стараго вѣртана пѣжной, доброй княжны Маріи, или слышались влюбленный шопотъ Кити, изъ «Анны Карениной». Обойдя паркъ, подошли мы къ отгороженной части его, гдѣ облачкомъ стоятъ двухъэтажное каменное зданіе.

— Тутъ помѣщалась ясновполанская школа, — сказала Софья Андреевна.

Съ какимъ почтеніемъ я глядѣлъ на это зданіе, вспоминая о томъ увлеченіи, съ которымъ Толстой превратился въ сельскаго учителя и издавалъ учебный журналъ «Ясную Поляну». Вспомнилось мнѣ и мое краткое учительство въ воскресныхъ школахъ, едва раздался благовѣстъ о свободѣ русскаго народа 19 февраля 1861 года. Все сколько-нибудь доброе, просвѣщенное сознано тогда, что недостаточно избавить народъ отъ дѣйствительнаго рабства; необходимо возможно скорѣе высвободить его изъ неизбежнаго стараго спутника рабства, отъ невежества, суевѣрія. Офицеры бросали военную службу, шли въ мировые посредники, слушали лекціи въ университетѣ: ученые, студенты, западники и славянофилы «сорочились головами», лучшие писатели задумывались объ обязанностяхъ высшихъ слоевъ общества передъ народомъ, воскрешали идеалы первыхъ годовъ царствованія Александра I.

Но не успѣли, при дружномъ сотрудничествѣ правительства и общества, — выработаться «особобительныя реформы», какъ ледяныя волны старой отсталости, себялюбія и мракобѣсія снова хлынули на Россію и прежде всего, конечно, затопили первую же попытку къ народному просвѣщенію. Вернулись бюрократическія препоны, онекуженіе тормазы и полицейскіе намыны, тѣ самыя, что довели насъ до такого позора,

что десятки тысячъ русскіхъ воиновъ попали въ плѣнъ въ Японію, и враги стали учить ихъ русской грамотѣ! Возобладали опять «дореформенныя» оберъ-прокуроры, оберъ-лѣстцы, оберъ-тасители и оберъ-хищники, не только разорившіе Россію матеріально, но подрывавшіе ея умственные и нравственныя силы. Въ шестидесятыхъ годахъ полицейская подозрительность, закрывавшая воскресныя школы и комитеты грамотности, уничтожила и народную школу въ Ясной Полянѣ.

Продолжая прогулку, мы незамѣтно перешли въ лѣсъ, съ красивыми далами, гдѣ громадныя вѣтвистыя дубы чередуются съ любимыми Толстымъ елями собственнаго насажденія и съ сравнительно недавно взошедшими молодыми лѣсными порослями. Встрѣчавшіеся крестьяне раскланивались, заговаривали съ Софьей Андреевной. Она всѣхъ ихъ знаетъ и называетъ по имени.

— Кому-то все это достанется, — задумчиво сказала она; — но мы трудимся, насаждаемъ, поддерживаемъ, а не разрушаемъ.

И Софья Андреевна подтвердила, что Ясная Поляна нѣсколько лѣтъ уже, со времени смерти младшаго сына (умершаго ребенка), не принадлежитъ ни Леву Николаевичу, ни ей.

На возвратномъ пути, съ другой стороны лѣса, Софья Андреевна указала на едва замѣтную площадку, гдѣ стояла хижина, въ которую удивлялся Левъ Николаевичъ для работы, и гдѣ онъ и Н. С. Тургеневъ спорили во время его послѣдняго пребыванія въ Ясной Полянѣ. Самъ великій писатель, проложившій дорогу русской литературѣ къ всемірной извѣстности, какъ извѣстно, умолялъ Толстого не бросать художественнаго творчества и первый усвоилъ ему названіе «великаго писателя русской земли».

Григорій Градовскій.

Б. В. Н. 14-го июля. 1903

ВЪ МОСКВѢ.

14-го ноября.
(По телефону отъ нашего корреспондента).

Письма Толстого.

Готовится къ печати собрание частных писемъ Толстого къ роднымъ, друзьямъ и последователямъ. Книга будетъ заключать въ себѣ до 800 писемъ. Среди нихъ будутъ находиться письма къ Фету, Н. Н. Ге, Стравинскому, Чайковскому, Писемскому и другимъ.

Б. В. 14-го ноября. 1903

Изъ Тулы. По распоряженію тульского губернатора уволенъ отъ службы «за бездѣйствіе» крапивенскій уѣздный исправникъ г. Крупкинъ. Какъ извѣстно, въ Крапивенскомъ уѣздѣ находится усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна».

Б. В. 14-го ноября. 1903

рогой онъ все дремалъ. Вернувшись, легъ спать и проспалъ пять часовъ подряд. Всталъ, шатаясь; потребовалъ поить, но все ему было противно. И такъ, не объдавъ, онъ опять легъ и заснулъ. Очень боюсь, какъ бы опять не повторились обмороки.

Нисселевичъ, какъ русскій гражда-
нинъ и какъ еврей, удостоившійся избранія
въ члены русской законодательной палаты,
протестуетъ противъ предложенія Гримма.
Ораторъ не понимаетъ, что, собственно пуга-
етъ Гримма: вѣдь Гриммъ знаетъ, что за
все время существованія мирового инсти-
тута въ Россіи, несмотря на отсутствіе въ
уставахъ 1864 г. запрета, который предла-
гаетъ Гриммъ, ни одного еврей-мирового
судьи не было. Что же пугаетъ Гримма?
Очевидно, его пугаетъ другое, и предложе-
ніе продиктовано враждой и глубокой не-
навистью къ еврейскому племени, тѣмъ, что
называется обыкновенно юдофобіей.

Ораторъ цитируетъ слова г. Л. Н. Тол-
стого о юдофобствѣ, которое великій пи-
атель характеризовалъ, какъ болезненное
состояніе и дикую страсть. Какъ еврей, Л. Н.
Нисселевичъ протестуетъ противъ опозора-
вѣнія думской кассеры.

Кн. Волконскій проситъ оратора
быть осторожнѣе, ибо вѣкте думской ка-
серы здѣсь не позорилъ.

Нисселевичъ говоритъ, что, если
правые не вынесутъ словъ великаго писа-
теля земли русской, то онъ считаетъ для
себя особеннымъ почетомъ то, что его не
хотятъ слушать.

Пренія закончены.

Расс. 14 = Ноеб. 1903

Рѣчи особеннаго интереса не пред-
ставляютъ.

НИССЕЛОВИЧЪ возражаетъ Гримму на
его предложеніе лишить евреевъ права быть
избираемыми и назначаемыми на должности
мировыхъ судей:

— Я думаю, что предложеніе, внесенное
г. Гриммомъ, подсказано ему враждой и
глубокой ненавистью къ еврейскому пле-
мени.

Это то, что въ обиходѣ называется юдо-
фобіей.

И по этому поводу и вспоминая слова Л. Н.
Толстого: «юдофобство—не мнѣніе, не по-
литическое убѣжденіе, не партійный взглядъ,
а болезненное состояніе, дикая страсть,
ближе всего подходящая къ области поло-
выхъ племенныхъ страстей, съ особымъ из-
вращеннымъ оттѣнкомъ». Какъ еврей, удо-
стоившійся высокаго званія члена русской
законодательной палаты.

я протестую противъ опозориванія этой вы-
сокой кассеры проповѣдью дикой страсти.
(Шумъ).

ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩІЙ. Прому по-
корно члена Г. Думы Нисселевича быть осто-
рожнѣе. Никто этой кассеры здѣсь не позори-
лъ (шумные аплодисменты
справа и въ центрѣ).

НИССЕЛОВИЧЪ. Если вы не вынесете
словъ великаго писателя земли русской, то
я считаю для себя особеннымъ почетомъ,
когда вы меня не хотите слушать. (Ап-
лодисменты слѣва, смѣхъ
справа).

Б. В. 14 = Ноеб. 1903

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСѢДАНІЕ.

Главныя пренія по законопроектѣ о пе-
риksenности личности разсвѣтываются
вечеромъ. Успѣвають выступить три круп-
ныхъ оратора.

Лидеръ с.-д. фракціи ГЕГЕЧКОРИ произ-
носитъ первую рѣчь.

Ораторъ сопоставляетъ, съ одной сторо-
ны, «нашихъ мѣстныхъ помпадуровъ и пом-
падуринковъ», которые быстро выдвинулись
за такія дѣла на высшія ступени іерархиче-
ской лѣстницы, а съ другой—участъ Пуш-
кина, Достоевскаго, Чернышевскаго, Герцена,
Шеняко, судьбу Льва Толстого, профессо-
ровъ, которые вынуждены покидать уни-
верситеты и скитаться по Европѣ, студен-
товъ, высылаемыхъ въ Сибирь.

— Впрочемъ,—продолжаетъ онъ,—малень-
кая кучка людей весьма и весьма заботится о
сохраненіи своей неприкосновенности.

Б. В. 14 = Ноеб. 1903

Въ Думѣ народился Маркъ Порцій Ка-
тонъ, цензоръ рѣчей и нравовъ.

Г. Крупенскому мало присвоеннаго ему
съ всеобщаго одобренія званія думскаго
перемонийейстера и счѣтчика голосовъ.
Онъ желаетъ и общаеъ стать Катонномъ
—цензоромъ рѣчей самого предсѣдателя
Думы. Н. А. Хомякова. Какъ извѣстно,
Н. А. обладаетъ независимостью мнѣній и
острымъ языкомъ. Онъ совсѣмъ, къ тому
же, не въ восторгѣ отъ членовъ Думы,
бесконечно надоедающихъ ему водопадами
своего краснорѣчія, и не рѣдко отзывается
о нихъ передъ журналистами довольно зло.
Г. Крупенскій долго терпѣлъ эти воль-
ности, но когда Н. А. Хомяковъ сказалъ
сотруднику «Бирж. Вѣд.», что Дума рабо-
таетъ безъ вѣры въ собственную работу,
г. Крупенскій не выдержалъ. Бессарабскій
Катонъ предложилъ обуздать свободу рѣчи
предсѣдателя Думы и, предчувствуя, что
ему могутъ отбить смѣхомъ, пообщалъ
лично каждый разъ читать назиданія Н. А.
Хомякову.

«Я не могу молчать!»—восклицаетъ г. Кру-
пенскій въ полнѣномъ имъ въ бюро союза
17-го октября заявленіи. Всякій о чемъ-
нибудь не можетъ молчать. Вотъ Толстой
не можетъ молчать о смертныхъ казняхъ.
А г. Крупенскій — о свободныхъ рѣчахъ
Н. А. Хомякова. На своемъ сукономъ язы-
кѣ г. Крупенскій предлагаетъ бюро фрак-
ціи октябрьствоваъ «принять какія-либо
мѣры, чтобы нежелательное явленіе пре-
реканий прекратилось».

Заявленіе г. Крупенскаго—вотъ это
дѣйствительно «явленіе пререканій», на-
кое-то лопухое явленіе мелкихъ и лич-
ныхъ пререканій. На него надо ждать, и
вниманія въ бюро не обратятъ.

Б. В. 15 = Ноеб. 1903

Прѣхавшій изъ Берлина русскій музѣ-
кантъ разсказываетъ о поставленной въ
«Комич. Оперѣ» оперѣ Альгерано «Воскре-
сеніе» на сюжетъ романа Толстого. Впечат-
лѣніе самое курьезное. Достаточно сказать,
что каторжанники въ Сибири поютъ на мо-
тивъ тарантеллы и мажоллины!.. Даже
пѣмцы и тѣ удивляются этой итальянской
развязности.

Петер. Газ. 15 = Ноеб. 1903

Европейскій путешественник XVII вѣка рассказываетъ о русскихъ пьяницахъ, который пропилъ сначала кафтанъ, затѣмъ рубаху, наконецъ, порты и, выйдя, голый, изъ кабака, сорвалъ горсть одуванчиковъ и «прикрылъ ими свое срамное тѣло».

Толстовское отроченіе, писаревскій пилилизмъ, бакунинскій анархизмъ—всѣ русскія «совлеченія» — не напоминаютъ ли эту горсть одуванчиковъ?

Тотъ же путешественникъ рассказываетъ, какъ пьяный священникъ хотѣлъ благословить стрельцовъ, но когда, подвигая руку, наклонился впередъ, голова у него отяжелѣла, и онъ упалъ въ грязь. Стрѣльцы подвигли его, и онъ все-таки благословилъ ихъ грязными перстами.

Когда Достоевскій или Константинъ Леонтьевъ благославляютъ Зѣбрю именемъ Христа, когда Союзъ Архангела Михаила благославляетъ еврейскіе погромы и смертныя казни—кажется, видишь это благословеніе грязными перстами.

Ромъ 15 = Ноябрь. 1903

Нѣтъ, спасеніе наше не въ томъ, чтобы, сознавъ себя народами-христоносцами, въ другихъ народахъ выдѣть Банковъ; спасеніе наше въ томъ, чтобы увѣрить, наконецъ, свое собственное «окалство», почувствовать себя не «христоносцами», а «христопродавцами» именно здѣсь, въ этой страшной волѣ къ искоженію, къ совлеченію, къ саморазрушенію, къ хаосу; чтобы понять, что Россія, только восходящая, возстающая на скипетръ Зѣбры можетъ понести на плечахъ своихъ легкое яго Христа.

Но не мертвецъ, востающій изъ гроба, а погребенный заживо—Россія нѣтъ-нивая. Кричать, стучать въ крышку гроба—я нѣтъ не слышитъ, только могильную землю, горсть за горстью, набрасывать, и рошляють, утаптываютъ — ходятъ насывали, крестъ поставили. Достоевскій пишетъ на крестѣ: «Смирись, гордый человекъ!» Д. Толстой: «Непротивленіе злу». Вл. Саломѣевъ: «Дѣло не въ этомъ». Вач. Иванова: «Духомъ Св. воскресаемъ».

Нѣтъ, не Духомъ Св. воскресаемъ, а духомъ Зѣбринымъ удушаюсь, умираю,—могъ бы отыграть погребенный. — Кричу, стучу—и никто не слышитъ. Уже земля обсыпалась, задавила меня. Больше не могу, кричать, голоса нѣтъ. Земля во рту.

Д. Мережковский.

Ромъ 15 = Ноябрь. 1903

Два дня въ Ясной Полянѣ.

IX.

Последніе часы. — Отъездъ.

Отчетъ о пребываніи моемъ въ Ясной Полянѣ я стараюсь вести хронологически; но въ нихъ случалось, ради удобства и связности разсказа, переходить къ предметному положенію, чтобы каждая глава имѣла известную законченность и вниманіе не разсвѣдалось.

Такимъ путемъ вышло много мелочей, можетъ быть, и второстепенныхъ, но характерныхъ, о которыхъ приходится говорить въ заключительныхъ главахъ, хотя онѣ имѣли мѣсто, наступали на меня раздробъ, отрывочно и случайно.

Толстой постоянно углублялся въ самые сложные и трудные вопросы жизни, которые называются даже «споклатными»; онъ являлся неизгнаннымъ работникомъ, върнымъ рыцаремъ иль самымъ установившаго убѣжденія, что «разоблаченная жизнь есть столь же важное приобритеніе для блага человечества, какъ и любое выраженная истина». Этимъ убѣжденіемъ проникнуты все его неустанныя работы, ознакомленіе съ новыми книгами и открытіями, переписка, статьи, брошюры, личные бесѣды. И тѣмъ не менѣе, шло больше Толстой не отрывалъ къ текущей жизни; его она захватываетъ и самыми беззастѣнчивыми явленіями, и малѣйшими признаками какого-нибудь ухудшенія; даже небольшой лучъ свѣта въ общей или частной жизни привлекаетъ его вниманіе.

Малы.

Зашелъ какъ-то разговоръ о новѣйшихъ успѣхахъ воздухоплаванія. Левъ Николаевичъ желалъ высказать разницу между аэропланами и дирижаблями.

— А вы полетѣли бы? — спросилъ онъ меня.

— Полетѣлъ бы.

И я разсказалъ, что давно знакомъ съ генераломъ Ковановымъ и просилъ взять меня еще тогда, когда кромѣ водородныхъ «пузырей», предостереженныхъ на волю вѣтра, да неудачныхъ «летательныхъ крыльевъ», ничего дуршаго не было. Со словъ г. Кованова я сообщалъ, что полетъ не сопряженъ съ неприятностями, вродѣ качки и морской болѣзни, и что получается такое ощущеніе, что не летишь вверхъ, не поднимаешься, а будто земля опускается, уходитъ внизъ. Левъ Николаевичъ очень заинтересовался.

— Такъ земля опускается, уходитъ внизъ? — переспросилъ онъ, и добавилъ: это хорошо, это мнѣ пригодится для одного сравненія.

Мнѣ очень желалось узнать, для чего именно, для какого дороза и въ какомъ произведеніи это сравненіе понадобится; но вѣрный принятому рѣшенію, я не обеспокоилъ Толстого своими разспросами.

Вечеромъ около «круглаго стола» Левъ Николаевичъ игралъ въ шахматы съ г. Гольденвейзеромъ. На вопросъ, знаю-ли я эту умную игру, я отвѣтилъ, что очень ее люблю, но долженъ былъ бросить. Она меня сильно волновала, и какая-нибудь неудачная партія мерещилась во снѣ. А Толстой играетъ спокойно и посѣдъ двухъ партій, новидному, не чувствовалъ ни малѣйшаго утомленія. Удивительная жизненная сила!

Во время шахматной игры я пересѣлъ ближе къ Софьѣ Андреевнѣ. Она была занята за тѣмъ же «круглымъ столомъ» какой-то женской работой и съ обычной своей любовью заявляла одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые переданы уже мною въ особой главѣ.

Чувствуя всю эту простоту, необычайную искренность обращенія, отсутствіе несносной неспешности, словно самъ воздухъ этого дома былъ насыщенъ правдой, гдѣ и слухи, — въ подтвержденіе известной поговорки, — держали себя просто и свободно и такъ же пріятны, какъ и хозяева, я непыталъ рѣшительнаго удовольствіе, какъ будто я не случайный гость, а давно въ числѣ ихъ друзей.

Во время шахматной игры Левъ Николаевичъ неохотно обратился ко мнѣ:

— Мнѣ говорили, что вы привезли мнѣ свои книги. Гдѣ же онѣ?

— Не для васъ, а для Яснополянской библиотеки, — отвѣтилъ я. — Для васъ едва-ли онѣ представляютъ какой-нибудь интересъ.

Левъ Николаевичъ взялъ мой сборникъ («Итоги») и просмотрѣлъ оглавленіе.

— А, воспоминанія... Я люблю воспоминанія, непременно прочту, — сказалъ онъ.

Когда кончилась шахматная партія, Левъ Николаевичъ всталъ и прошепелъ нѣсколько разъ мимо насъ. Вдругъ онъ шутливо, добродушно сталъ упрекать Софью Андреевну и меня, что мы все говоримъ о немъ. Я не выдержалъ, меня потянуло къ нему. Я взялъ его руку и отвѣтилъ на необычайно мило выраженный упрекъ:

— Левъ Николаевичъ, извините, но развѣ возможно въ нашемъ присутствіи говорить о комъ-либо, кромѣ насъ?.. Я набираюсь даже смѣлости и рѣшаюсь записаться въ число тѣхъ преслѣдителей, которые надбавляютъ вамъ просьбами о портретѣ, автографѣ, книгѣ... Подарите мнѣ все это.

Онъ увелъ меня въ свой кабинетъ и предложилъ выбрать любой изъ посѣдѣвшихъ фотографическихъ снимковъ.

— Всѣмъ этимъ въ общій снабжаетъ меня Чертковъ.

Я выбралъ кабинетный, наиболѣе большой и удачный грудной снимокъ. На немъ, какъ нарочно, оказалось изреченіе самого Толстого о «законѣ Бога» и объ одинаковой сущности его во все время и для всѣхъ людей. Книжку Левъ Николаевичъ самъ выбралъ для меня. Это «На каждый день» (за июль) — трудъ, который Левъ Николаевичъ считаетъ самымъ важнымъ въ числѣ своихъ произведеній. Вручая ее, онъ мнѣ сказалъ:

— Прочту васъ прочесть это непременно.

— Конечно, прочту и буду справляться съ ея «изреченіями» до конца жизни.

Написки писалъ Левъ Николаевичъ безъ чернилъ, какъ-то особымъ перомъ, вынувъ его, кажется, изъ кармана; я слышалъ о такомъ перѣ, но въ первый разъ видѣлъ его. Перо, вѣрно, всегда при немъ. Мирное, небольшое орудіе, а какъ боится его, когда оно заговоритъ противъ зла.

Въ кабинетѣ воевалъ г. Гольденвейзеръ, и, когда Левъ Николаевичъ выполнялъ мое желаніе, мы обратились къ нему съ просьбой сыграть что-нибудь. Вернувшись въ залъ, и известный московскій пианистъ сѣлъ за рояль. Раздался чудные, задуманные звуки Шопена. Исполнено было прекрасно, сознательно нѣсколько шестъ, въ томъ числѣ и Шумана.

Левъ Николаевичъ слушалъ внимательно, задумчиво, не мешаясь. Мнѣ казалось, что на глазахъ его показались слезы. Не могла великая душа не тронутся великой музыкой. Я завидовалъ пианисту.

Когда все смолкло и г. Гольденвейзеръ закрылъ рояль, я напоминалъ, что появились новыя свѣдѣнія объ отомѣнѣхъ Шопена и Жоржъ-Зандъ и о ея вліяніи на его творчество.

Толстой рѣзко, односложно отозвался о писателяхъ, и разговоръ на этомъ оборвался.

Въ назначенное для отъѣзда время, кажется, около 11 часовъ вечера, мы сердечно попрощались. Я отъ души благодарилъ Софью Андреевну и поблагодарилъ со Львомъ Николаевичемъ. Насъ проводили также радужно, какъ и встрѣчали.

Можетъ быть, читатели найдутъ много длиннотъ или другіе недостатки въ моемъ разсказѣ, но мнѣ хотѣлось, чтобы они перенеслись со мною въ Ясную Поляну, чтобы издали они видѣли то, что я видѣлъ, чтобы пережили и передумали все, что мною было пережито и передумано въ эти счастливые для меня два дня. Нельзя забывать, что мы отвѣтственны передъ потомствомъ, передъ человечествомъ, если смѣрили и не видѣли, слышали и не поняли, утративъ навсегда что-либо относящееся къ жизни и дѣятельности «великаго писателя русской земли».

Григорій Градовскій.

В чествовании Фидлера-педагога сплелись люди самых разнообразных профессий. На каких только поприщах не действуют теперь бывшие его ученики!

Вот недурная справка о тех, кто в своей юности прошел доброе руководство Ф. Ф.

Из бюрократического мира у г. Фидлера учились—доч. Павле, гр. Игнатьева, гр. Гейдена, Бобркова, бывш. финл. ген-губернатора, Жауница, премьер-министра Столыпина и Щегловитова.

Из писательской среды у него учились дочери, сыновья, внуки и племянники—Пушкина, Салтыкова-Шchedрина, Льва Толсто-

го, Ап. Григорьева, Лёскова, Плещеева, Потапенко, Чехова, Гаршина, Майкова, Габба Успенского, Бальмонта, Баранцевича, Суворина, Австенки, Случевского, Неймровича-Давченко, Будищева, Омулевского, Андреевского, Дудышкина, Скабичевского, Маркелюча, Неведова, Вейнберга, Быкова, Англовой, Карабчевского, Лемана, Проппера, Комарова, Анненского и других.

Б. В. 16 = Ноябрь. 1909

Я не хочу бродить по улицам и думать о воздухоплавании. Это холодно и скучно. Меня приводит в ярость мысль о том, что через одно-два поколения всё эти полеты и аккумуляторы в корни изменят нашу психологию, всю нервную систему нашу. Мне жутко думать, что наши внуки не будут понимать Толстого, ибо мы, летающими, будем чужды всей нашей укладу жизни, всей нашей радости и слезы. О, если бы только съ миллиардами Рокфеллера и броненосцами Англии боролись новые времена! Пусть, эти аэропланы и аккумуляторы борются еще и с душой нашей. Они борются с «Войной и миром» Толстого. Даже не так, как мы кт Илиадъ Гомера, а как специалисты-ученые кт ассирйской клинописи, станут относиться наши ближайшие потомки кт произведений Ибсена, Толстого и Шекспира.

Б. В. 17 = Ноябрь. 1909

Вот вѣчная примѣта таланта и бездарности: первый какъ-то цѣлоумудренно стыдится въ редакціяхъ, вторая трещитъ безъ умолку и отвратительна въ своемъ самохвальствѣ.

— Смы чувствую, что вещь удалась. Это лучше, что я написалъ. Короленко отдался прочесть, но я увѣренъ, что онъ остался бы въ восторгѣ... Если вы напечатаете, — я пошлю отнискъ Толстому...

Б. В. 17 = Ноябрь. 1909

Извѣстный В. А. Поссе предпринимаетъ изданіе новаго ежемѣсячнаго журнала «Жизнь для всѣхъ», по типу бывшаго «Журнала для всѣхъ». Въ первой книгѣ появятся статьи Льва Толстого по польскому вопросу. Въ журналѣ участвуютъ многіе изъ интересныхъ представителей литературы старѣющаго и молодого поколѣнія.

Б. В. 17 = Ноябрь. 1909

НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

Ученіе о жизни, изложенное въ изреченіяхъ, взятыхъ у писателей разныхъ странъ и разныхъ вѣковъ.

Составлено Л. Н. ТОЛСТЫМЪ.

17 НОЯБРЯ.

Къ сожалѣнію мы принуждены пропустить изреченія сегоднѣшняго дня, такъ какъ въ нихъ Л. Н. излагаетъ свои взгляды на совре-

менное государство. Взгляды эти общезнамениты, но это еще не даетъ имъ мѣста въ современной русской печати.

Нояб. Рубл. 17 = Ноябрь. 1909

НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

Учение о жизни, изложенное в изречениях, взятых у писателей разных стран и разных вѣков.

Составлено Л. Н. ТОЛСТЫМЪ.

18 НОЯБРЯ.

1. Судъ состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ; но люди боже возлюбилъ тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ злы.

Ибо всякій, дѣлающей злое, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличалъ дѣла его, потому что злы. А поступающий по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы ясны были дѣла его, потому что они въ Богѣ сдѣланы.

Иоаннъ III, 19—21.

2. Часто люди думаютъ, что они вѣрятъ въ законъ Бога, а они вѣрятъ только въ то, что во что вѣрятъ все. Все же вѣрятъ не въ законъ Бога, а называютъ закономъ Бога то, что подходитъ къ ихъ жизни и не мѣшаетъ имъ вести ее.

3. Когда люди вѣрятъ той лжи, которая выдается имъ за законъ Бога, они уже не могутъ вѣрить ни въ истинный законъ Бога, ни въ настоящаго Бога.

4. Все вѣры говорятъ, каждая про себя, что она одна истинная, и что все остальные ложны. Одного этого достаточно, чтобы видѣть, что ни одна изъ тѣхъ вѣръ, которыя сами про себя говорятъ, что онѣ истинны, не можетъ быть истина. Истинная вѣра можетъ быть только та, съ которой все согласны.

5. Люди, живущіе въ грѣхахъ и соблазнахъ, не могутъ быть спокойны. Совесть обличаетъ ихъ. Такимъ людямъ предстоитъ два выбора: признать себя виноватыми передъ людьми и Богомъ, перестать грѣшить, или продолжать, не признавая своихъ грѣховъ, скрывать ихъ и называть свои злыя дѣла добрыми. Для этихъ людей придуманы такія ученія вѣры, при которыхъ можно, живя дурною жизнью, считать себя правыми.

6. Христіанское откровеніе было ученіемъ о равенствѣ людей, о томъ, что Богъ есть отецъ, а люди братья. Оно ударило въ самый корень того порабожденія, которое душило людей, оно разбивало цѣпи рабовъ и уничтожило ту великую неправду, которая давала возможность кучкѣ людей роскошествовать на счетъ труда рабочихъ и держала рабочихъ людей въ черномъ тѣлѣ. Вотъ почему преслѣдовалось первое христіанство, и вотъ почему, когда стало ясно, что его нельзя уничтожить, богатые классы извратили его. Такъ что оно перестало быть истиннымъ христіанствомъ и сдѣлалось служителями этихъ классовъ.

Генри Джорджъ.

7. Религіозное ученіе, какъ объясненіе смысла и назначенія жизни, отвѣчавшее запросамъ людей тысячу лѣтъ тому назадъ, не можетъ удовлетворить людей нашего времени. А дѣтей учатъ тому, что отвѣчало требованію людей тысячу лѣтъ тому назадъ, — это ужасная ошибка.

Если въ дѣтствѣ даны человеку нечистыя отвѣты на свойственные его душѣ вопросы то выросшій человекъ или перестаетъ думать объ этихъ самыхъ важныхъ вопросахъ жизни или, если помнить данные ему ложные отвѣты на эти вопросы въ дѣтскомъ возрастѣ, становится софистомъ своихъ юношескихъ заблужденій.

И потому не говори воспитываемому и въ особенности не выдавай за священную, непререкаемую истину того, во что ты самъ совсѣмъ не вѣришь или въ чемъ хотя сомнѣваешься. Поступать такъ — великое преступленіе.

8.

9.

Есть люди, которые берутъ на себя право рѣшать за другихъ ихъ отношеніе къ Богу и къ міру, и есть люди, огромное большинство, которые отдаютъ это право другимъ, и сдѣло вѣрятъ тому, что говорятъ имъ. Одни — преступны и тѣ и другіе.

10.

Наше церковное христіанство построено на пустыхъ и шаткихъ основаніяхъ. Полагающіеся на него находятся въ постоянной опасности и всегда чего-то боятся. Сильно выраженное сомнѣніе, потрясающее все его основанія, вызываетъ громъ и молніи со стороны представителей церкви, и тѣмъ основательнѣе сомнѣнія, тѣмъ сильнѣе тревога.

Развѣ люди боятся, чтобы горы провалились? Церковное же преданіе всемирно готово разрушиться.

«Можетъ — справедливо, можетъ — нѣтъ», вотъ все, что могутъ о немъ сказать люди, полагающіеся на него. Тѣмъ не менѣе изъ него сдѣлали основу религіи. Авторитетъ принимается за истину, и слѣжное доброе — за сущность религіи.

Паркеръ.

11.

Большое зло и неправда въ томъ, что люди разныхъ вѣръ учатъ дѣтей своимъ вѣрамъ. Учить дѣтей своей вѣрѣ, несогласной съ вѣрами другихъ народовъ, это одно изъ тѣхъ соблазновъ дѣтей, про который говорилъ Христосъ, что они губятъ міръ. Какое право имѣемъ мы преподавать какъ истину то, что оспаривается миллиардами людей? Одно, чему мы можемъ и должны учить дѣтей, это только тѣмъ истинамъ, которыя общи всемъ людямъ міра.

12.

Вѣра утверждается пониманіемъ; лучшая изъ всѣхъ религій самая ясная; та же, которая наполняется тайнами, противорѣчіями то богопочитаніе, которое она проповѣдуетъ, заставляетъ меня вслѣдствіе этого самаго остерегаться ея. Обожаемый мною Богъ не Богъ мрака. Онъ далъ мнѣ разумъ не для того, чтобы запретить мнѣ употребленіе его. Когда мнѣ говорятъ, чтобы я почиталъ свой разумъ, я вижу въ этомъ оскорбленіе его творцу.

Руссо.

Нол. Русс 18-го Авг. 1803

НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

Учение о жизни, изложенное в изречениях, взятых у писателей разных стран и разных веков.

Составлено Л. Н. Толстым.

19 НОЯБРЯ.

Четвертый грех суеты состоит в том, чтобы слыно верить, что все то, что проповедуется людьми, называющими себя людьми науки, есть несомненная истина, и оправдывать свои дурные поступки этим учением.

1.

Люди часто думают, что тем больше знают, тем лучше. Это неправда. Дьявол не в том, чтобы знать много, а в том, чтобы знать то, что нужно.

2.

Мудрец Сократ говорил, что глупость и невежество не в том, чтобы мало знать, а в том, чтобы не знать самого себя и думать, что знаешь то, чего ты не знаешь. Это он называл глупостью и невежеством и безумием.

3.

Умные не бывают учены; ученые не бывают умны.

Лао-тсэ.

4.

Если люди изучают то, что им не нужно, то они похожи на совы. Сова сидит в темноте, но слепнёт при солнечном свете. Так же бывают люди, пронырлившие для научных пустяков, но ничего не видящие, когда дьявол идет о самом нужном для жизни: о смысле жизни и вытекающем из него руководстве поступков.

5.

Как есть суеты религиозны, так есть и суеты науки. Суеты науки состоят в том, что люди думают, что знание вещественных явлений мира есть истинная наука и дьявол очень важное. Но так как явлений вещественного мира безчисленное множество, то наукой всегда считается изучение только одного ряда явлений, в известное время избранного людьми. И эту бесконечно малую часть знания предметов вещественного мира люди, занимающиеся этим делом, возводят в единую истинную науку. И большинство верить в нее так же, как верят и верить в ложные учения религиозны.

6.

Наука в наше время занимает совершенно то место, которое занимала церковь 200—300 лет тому назад.

Тя же признанные жрецы—профессора,

тя же соборы, синоды в науку, академи, университеты, съезды.

То же доверие и отсуствие критики, тя же разногласия—не смущающия вбрующих. Тя же слова непонимания, вместо мысли. Тя же самоуверенная гордость.

— Что же с ним говорить, он отрицает, отвержение, перков.

Что же с ним говорить, он отрицает науку.

7.

То, что называется у нас наукой и искусством, есть произволение праздного ума и чувства, имвющее дьявол нескотать, такю же праздные умы и чувства.

8.

Ум укрплняется изучением нужного и важного для человека и расслабляется изучением ненужного и ничтожного рпшительно также, как и тло укрплняется и расслабляется свбжнм или тплым воздухом или пищею.

Джон Рескин.

9.

Человек, знающий все науки и говорящий на всех языках и развивший до высшей степени свои умственные, логически способности, если он не установил извбстнаго отношения къ той безконечности, среди которой онъ сознаетъ себя, и не выйдетъ изъ этого отношения руководства поступковъ въ своей жизни, стоитъ, какъ человекъ, много ниже той безграмотной старухи, которая вбритъ и въ Мисолу, и въ Богородицу, и въ Святую Спасителя, т. е. въ то безконечное, среди котораго она сознаетъ себя, и знаетъ, что это безконечное требуетъ отъ нея правды. Вторая прблема на главный вопросъ жизни: для чего она живетъ; первый же, имъ самые хитрые ответы на самые сложные, но не важные вопросы изъ жизни, не имвтъ отвта на главный вопросъ, свойственный разумному человеку: зачѣмъ онъ живетъ и что ему надо дѣлать.

10.

Какъ египтяне на все положення, котораго ему предлагали жрецы, какъ истина, не смотря на то, какъ мы теперь смотримъ на нихъ, какъ на вброваня, а какъ на откровения высшего достпунаго человека знания, т. е. науку, точно также и теперь наппные люди, не знающае науки, смотря на то, что имъ выдается теперешними жрецами науки за несомнѣнную истину—они вбруютъ въ нее.

Vol. 1905-1906, 1905

Член организационного комитета Д. Н. Бородин оглашает полученное им письмо Л. Н. Толстого в ответ на его просьбу отметить так или иначе столь крупный момент в истории русского противодействия алкоголизму, как открытие первого съезда по борьбе с пьянством.

«Дмитрий Николаевич! Очень радъ буду содѣйствовать, чѣмъ могу, вашему прекрасному папирному. Чѣмъ больше я вижу зло, происходящее отъ пьянства (я вижу я это зло въ ужасныхъ разбѣрахъ), и чѣмъ чаще мнѣ приходится говорить объ этомъ зломъ страдающимъ отъ него, тѣмъ больше я убѣждаюсь, что спасеніе отъ него преимущественно, если не исключительно,—въ сознаніи людьми глупительности—не для тѣла, а для души—этого грѣха. Избавленіе отъ него человѣкъ не

[illegible]

Prov 29 = Dec. 1909

Въ застѣданіи доложено, что тульскій губернаторъ, наконецъ разрѣшилъ устроить въ Ясной Полянѣ бібліотеку въ память 80-лѣтія г. Л. Н. Толстого. Разрѣшеніе это послѣдовало послѣ дѣлага ряда ходатайствъ, передъ П. А. Столыпинымъ со стороны М. А. Стаховича и кн. П. Д. Долгорукова. Библіотека уже оборудована и начнеть функционировать въ декабрь текущаго года. Долгоруковъ доказывалъ, что, будучи въ Петербургѣ, онъ собиравалъ у мин. народнаго просвѣщенія г. Шварца, чтобы позиционировать почву на счетъ проектируемаго обществомъ грамотности съѣзда дѣятелей по образованію взрослыхъ. Шварцъ, благожелательно отнесся къ мысли о такомъ съѣздѣ и обещалъ свое содѣйствіе. Противъ программы съѣзда г. Шварцъ ничего не возразилъ и указалъ, что въ дѣлѣ вѣтшкольнаго образованія особенно цѣнна общественная инициатива. Съѣздъ предполагается на Пасхѣ.

Речь 22-го Мая, 1909

В. И. Дмитриева — талантливая писательница старой школы, прямая наследница Тургенева, Гончарова, Толстого. Модернизированный читатель не найдетъ въ ея произведеніяхъ ни новыхъ изысканныхъ формъ, ни сложныхъ проблемъ нашего времени, ни того стремленія къ углубленію и обобщенію жизни въ творчествѣ, которое составляетъ несомнѣнную заслугу «молодой» литературы.

Речь 23-го Мая, 1909

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЪТОПИСЬ.

Комитетъ литературнаго фонда получить извѣщеніе, что Л. Н. Толстой пришлетъ для юбилейнаго сборника не статью, какъ предполагалось, а балетристическое произведеніе.

Речь 23-го Мая, 1909

«Руссия» власти не останавливаются ни передъ тѣмъ. Любопытно, что въ этихъ гоненияхъ протавъ польскаго просвѣщенія повинна не столько полицейская власть, сколько власть чиновниковъ министерства просвѣщенія. Теперь извѣстно достоверно, что въ Варшавѣ канцелярія генералъ-губернатора, если и предпринимаетъ что-либо противъ польскихъ просвѣдательныхъ учрежденій и даже противъ русскихъ прогрессивныхъ группъ, то, въ большинствѣ случаевъ, подъ вліяніемъ авторитарныхъ и настойчивыхъ указаній изъ некоторыхъ мѣстныхъ университетскихъ и иныхъ просвѣдителей. Поистинѣ негодующее восклицаніе одного виднаго варшавскаго чиновника: «Вотъ люди,—своего дѣла не дѣлають, въ чужое вмѣшиваются». Очень характерно въ связи со всѣмъ этимъ, что эти «дѣятели» никогда въ Варшавѣ не упоминають о такихъ столпахъ русской мысли, какъ Чернышевскій, Михайловскій, Толстой: въ ихъ рукахъ всѣ связи и всѣ учрежденія, чтобы нѣтъ возможности хоть тѣмъ-либо почтить память, ну, хотя бы Чернышевскаго, но они молчатъ, молчатъ даже провозвучное «общество исторіи, филологіи и права», предсѣдатель котораго тѣмъ не меньше «большой либераль». *Расс. 23-Нидл.*

1903

И все это дѣлаетъ жизнь... Она сильнѣе
всѣхъ и всего!..

II.

Вотъ она и притовила нѣсколько сюрпризовъ русскому художнику—бытописателю...

Развѣ корифеи нашей литературы: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Толстой—могли мечтать о томъ матеріалѣ, какой та же русская жизнь поднесла имъ потомкамъ, ихъ литературнымъ внукамъ?

Не только внѣшнія препоны, въ видѣ полицейско-цензурскаго режима, не дозволяли имъ ничего, что могло быть заподозрено въ «возбужденіи основъ», но сама жизнь—то была въ десять разъ бѣднѣе. Связь не было ни въ массахъ, ни въ общественныхъ группахъ, ни въ индивидуальныхъ личностяхъ того, что теперь гуляетъ на всей своей волѣ, или же борется съ запретами (не на жизнь, а на смерть), или вопииваетъ и зарождается въ нашихъ глазахъ, или поддается безпримѣрнымъ видамъ репрессіи.

Мнѣ вспоминается одинъ русскій архологъ, который все восклицалъ, полный восторга, гуляя по Риму:

— Сколько исторіи! Сколько исторіи!

Такъ же точно можно было бы восклицать теперь, гуляя по столпамъ русскаго душевнаго града:

— Сколько психологіи! Сколько социологіи!

И все это художникъ, слова имѣть и право, и возможность брать, усвоивать себѣ и преобразовывать въ творческія созданія...

Мои ближайшіе по дѣламъ сверстники, вообще не долговѣвающие тому, что «теперѣ дѣлается», могутъ возразить:

— Что жъ изъ того, что Пушкины, Гоголи, Лермонтовы, Тургеневы, Толстые должны были довольствоваться бѣдными матеріалами, что ихъ перо было подъ надзоромъ полицейско-цензурнаго режима? А все-таки они творили, и какъ творили!

— На это позволительно отвѣтить:

— А какъ бы еще они творили теперь, когда жизнь показала свою силу и тогда можно се схватывать и изображать безъ двухъ третей тѣхъ запретовъ, какіе тяготѣли надъ ними еще такъ недавно?

Дѣло только въ томъ, легко ли разобратъ въ эту ужасно сложную, почти кошмарную матеріалъ, который настоящій моментъ доставляетъ всѣмъ намъ, и старымъ и молодымъ.

III.

Какъ разобратъ въ всей этой гущѣ,—вотъ роковой вопросъ, поднимавшійся передъ каждымъ молодымъ писателемъ-художникомъ.

Казалось бы, не надъ тѣмъ задуматься... Запускайте смѣло вашу руку въ эту гущу, следуя мудрому нареченію автора Фауста:

...und wo ihr's packt,
Da ist's interessant!

Интересно... но кому? И все ли интересно, и какъ найти путеводную нить въ нынѣшнемъ, небываломъ еще на Руси, водоворотѣ?

Возьмите вы любого изъ нашихъ великихъ писателей-белетристовъ, которыхъ и у насъ давно зовутъ «классиками»... Что бы и какъ бы они ни изображали, вы видите и чувствуете, что въ той жизни былъ всегда какой-то камертонъ, кака-то «доминанта», или «Leitmotiv»,—выражаясь по-нынѣшнему.

Даже такой «субъективистъ», какимъ былъ всегда Толстой, какъ художникъ-бытописатель,—и онъ, преслѣдуя свои высшіе нравственные идеалы, давалъ среднюю пропорціональную русскую жизнь; былъ поэтому и могучимъ воспроизводителемъ жизненной нормы, чего-то прочнаго и божественнаго, тѣмъ метаніи отбѣдныхъ личностей...

И вотъ это-то (хотя бы и не очень стойчивое) равновѣсіе совсѣмъ пошатнулось теперь.

Прежде у каждаго бытописателя выходило такъ, что какия бы, даже самыя отрицательныя, черты русской действительности онъ ни живописалъ,—все-таки же выдѣлялось ясно извѣстная категорія, извѣстные полюсы душевной жизни, личной и общественной правды.

Вотъ это—добро, а это—зло...

Все это теперь перемѣнилось... Гдѣ прежде въ русской жизни (находя, самаго развитаго класса) писатель находилъ высшія проявленія земновѣческой души (даже и въ ея болѣе божественныхъ, несканыхъ), амъ вѣсть изъ всѣхъ отдушить область всеобщимъ ненавистничествомъ, гражданскою войной, злобой, фанатизмомъ, разрушеніемъ или циническимъ злудомъ всякаго нравственнаго и всякаго «погрома», бери этотъ терпимъ въ самомъ широкое его припѣваніе.

Ни «добра», ни «зла», а только «гуща» и «смута».

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

(По телефону отъ нашего корреспондента).

24 ноября.

У Л. Н. Толстого.

Корреспондентъ «Утра Россіи», побывавшій въ Ясной Полянѣ, опросъграетъ толки о нездоровьи Л. Н. Толстого. Наоборотъ, здровье Л. Н. вполне удовлетворительно. Корреспондентъ узналъ, что на-дняхъ во многихъ заграничныхъ изданіяхъ одновременно будетъ напечатана большая статья Л. Н. «Чингизъ-ханъ», касающаяся вопросовъ русской современной дѣятельности. Названіе это почерпнуто Л. Н. у Герцена, у котораго есть разсужденіе о томъ, что сдѣлалъ бы Чингизъ-ханъ, если бы въ его распоряженіи были телеграфъ, желѣзныя дороги и другія средства современной культуры.

Л. Н. очень непріятно поразило, что «Боругъ чтенія» попалъ подъ запретъ въ изданіяхъ Горьупова-Носалова и Сытина. Онъ говоритъ: «Какое ужасное время: репрессіи, кошмары нависли со всѣхъ сторонъ; нельзя говорить, нельзя висать, нельзя печатать».

Обязанности высланнаго Гусева исполняетъ въ настоящее время Александра Львовна. Она сообщила корреспонденту статистику почты Толстого. Писемъ прибываетъ ежедневно отъ 20 до 30. Поступаетъ масса просьбъ о денежной помощи, приблизительно на сумму отъ 1,500 до 2,000 руб. Отъ Гусева получено письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что могъ бы переехать на жительство въ Чердынь, но предпочитаетъ остаться на старомъ мѣстѣ. Онъ самъ ведетъ свое хозяйство, живетъ на 6 руб. въ мѣс., за комнату платитъ 1 руб. 50 коп.

Въ субботу въ Москву вернулся изъившій въ Ясную Поляну капельмейстеръ Гусеницкій и французскій струнный оркестръ. Съ ними были также цинистъ Гольденвейзеръ. Прѣхавшіе рассказываютъ, что Л. Н. долго бесѣдовалъ съ ними о музыкѣ. Онъ оказался очень осведомленнымъ въ области старинной музыки, не только знаетъ всѣхъ старинныхъ композиторовъ, но даже знакомъ со школами и съ эпохами.

Рассъ 25-го Навъ, 1909

МОСКВА.

(По телефону от нашего корреспондента).

24 ноября.

ЧИНГИСЬ-ХАНЬ.

Графъ Л. Н. Толстой заканчиваетъ большую статью „Чингисъ-хань“, въ которой Толстой задается вопросомъ, что бы сдѣлалъ Чингисъ-хань, если бы въ его распоряженіи были телеграфъ, телефонъ, желѣзныя дороги и газеты.

Толстой закончилъ 25-го Нав. 1909

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Т. г. Редакторъ!

Прошу васъ поместить въ вашей газетѣ слѣдующее мое заявленіе:

Прочитавъ сегодня въ газетѣ «Бирж. Вѣдомости» за № 11426, отъ 20-го ноября с. г., описаніе бѣсы, будто бы происшедшей между моимъ отцомъ и начинающимъ литераторомъ А. Н. Н., считаю нужнымъ заявить, что отецъ никогда не могъ бы въ таковыя грубости, совершенно не свойственныя ему, выраженныхъ отзываться о современныхъ писателяхъ, что онъ и самъ подтвердитъ, сказавъ, что весь этотъ разговоръ вымышленъ и что онъ никогда ничего подобнаго не говорилъ.

Алессандра Толстая.

Ясная Поляна.

22-го ноября, 1909 г.

Прим. Редакціи: Бѣсѣда со Львомъ Николаевичемъ помѣщена въ одной изъ московскихъ газетъ и была передана намъ по телефону корреспондентомъ.

З. В. 26-го Нав. 1909

Письмо г. В. Чертова, помѣщаемое ниже, является яркой иллюстраціей мало сказанъ несправедливости, жестокости, ненужности, — иллюстраціей бессмысленности административной политической ссылки и вообще административной расправы за такъ-называемую политическую неблагонадежность. Казалось бы, доказывать это значить домысливать въ открытую дверь. Наложение взысканій въ административномъ порядкѣ за политическую неблагонадежность безспорно стоять въ непримиримомъ противорѣчій съ манифестомъ 17-го октября. Но въдь объ этомъ твердитъ не только прогрессивная печать или думская оппозиція, — это подтвердила правительственная коммиссія, состоявшая подъ предѣдательствомъ гр. Инатъева. Что политическая административная ссылка нецѣлесообразна, тоже безспорно, но въдь этого взгляда придерживаются такіе столпы отечества, какъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ г. Дурново и «правые» члены Государственной Думы. И даже указаніе на бессмысленность этого полицейскаго института можно подкрѣпить ссылкой на чиновный авторитетъ

начальника главнаго тюремнаго управленія г. Хрулева, который разсуждаетъ въ такомъ родѣ: «Если извѣстное лицо не совершило никакого преступленія, то и не должно быть стѣснено въ своихъ правахъ. Если же это лицо заподозрено основательно, но не можетъ быть привлечено къ суду по недостатку уликъ, то это должно лишь служить поводомъ для полиціи къ тщательному наблюденію за нимъ, послѣдствіемъ чего и будетъ или поимка его съ достаточными для предавія суду уликами, или совершенное прекращеніе имъ преступной дѣятельности». Словомъ, административная расправа съ «политически-неблагонадежными» во всякомъ случаѣ неужива, бесполезна, лишена здраваго смысла. Что, казалось бы, нужно еще прибавить къ этимъ заявленіямъ и признаніямъ? И тѣмъ не менѣе въ жизни административная расправа съ «заподозрѣнными» въ политической неблагонадежности продолжается до безконечности, и въ административную ссылку въ качествѣ опасныхъ революціонеровъ попадаютъ люди, за вѣдомо для всѣхъ, кромѣ карающей ихъ администраціи, неповинные не только въ какихъ-либо революціонныхъ дѣяніяхъ, но даже, также за вѣдомо для всѣхъ, выступающіе противъ революціонеровъ, противъ ихъ проповѣди, ихъ методовъ борьбы съ правительствомъ.

Для кого изъ читателей письма г. Чертова будетъ новостью, что Л. Н. Толстой и его вѣрные ученики, къ числу которыхъ принадлежитъ и сосланный секретарь Толстого г. Гусевъ, рѣзко-отрицательно относятся къ революціи и революціонерамъ, именно такъ, какъ это излагаетъ г. Чертовъ по подлиннымъ запискамъ и корреспонденціи г. Гусева?

Всѣмъ это извѣстно, никого не удивить, какъ никто не удивится и смѣренномудрымъ мыслямъ объ интеллигенціи, развиваемымъ правозвѣрнымъ адептомъ толстовскаго ученія въ его письмахъ.

Неосвѣдомленной оказывается только администрація, обещанная неограниченными правами карать и миловать обывателей по одному подозрѣнію въ политической неблагонадежности. И вотъ противники революціонеровъ и революціи, выступившіе противъ нея и противъ нихъ, подвергается административной ссылкѣ въ качествѣ... опаснаго революціонера. Притѣръ не первый и, вѣроятно, не послѣдній.

Алексѣй Владимировичъ 26-го Нав. 1909

Письмо въ редакцію.

Когда прошлою весной былъ помянутъ противъ меня походъ клеветы, завершившійся затѣмъ моею высылкой изъ Тульской губерніи, другъ мой Николай Николаевичъ Гусевъ (бывшій въ то время секретаремъ Л. Н. Толстого), возмущенный распространявшейся про меня въ черносотенной прессѣ безащитной ложью, написалъ опроверженіе въ газетахъ. Въ настоящее время самъ Гусевъ ставъ жертвой той же тяжелой силы, направившей противъ него все то же свое обычное оружіе, — клевету, — находится въ административной ссылкѣ въ глухомъ захолустьѣ Черныскаго уѣзда. Естественно, что и я въ свою очередь чувствую потребность заступиться за невинно страдающаго друга моего.

Гусева обвиняли въ томъ, что вмѣстѣ съ писаніями Л. Н. Толстого, дѣйствительно высказавшимися имъ по порученію послѣднихъ разнымъ лицамъ, обращавшимся къ Л. Н. — чу за этими книгами, онъ, Гусевъ, будто бы разыскалъ отъ себя также и изданія революціоннаго содержанія и вообще занимался революціонной пропагандой.

Это — совершенная ложь. Мнѣ достоверно извѣстно, что никакихъ революціонныхъ изданій Гусевъ не разыскалъ и никакой революціонной пропагандой не занимался. И дѣлать это онъ не могъ по той простой причинѣ, что, будучи искреннимъ и сознательно убѣжденнымъ единомышленникомъ Толстого, онъ столь же отрицательно, какъ и Толстой, относится къ революціонной дѣятельности.

Мало того, Гусевъ — одинъ изъ тѣхъ друзей Толстого, которые наиболѣе потрудились въ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ заблужденіемъ. Въ сношеніяхъ съ революціонерами онъ не падалъ ни времени, ни труда для того, чтобы и въ письмахъ, и въ личной бесѣдѣ доказывать имъ нравственную незаконность и практическую несостоятельность ихъ дѣятельности. Укажу на одинъ изъ многихъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ.

Лѣтомъ 1907 г. вокругъ меня и мо-

ихъ друзей, поселившихся въ иѣсколькихъ верстахъ отъ Исной Поляны, по дѣлающему чтенія нашей литературы и личнаго общенія съ нами совершенно разбился организованнй перекрѣдъ нашихъ прѣлѣдовъ среди иѣстной крестьянской молодежи довольно обширный революціонный кружокъ. Познакомившись съ нами, члены этого кружка, признавъ справедливость выражаемаго Толстымъ жизненіонанія, сложили всю свою революціонную литературу и отказались отъ тѣхъ «актовъ», къ которымъ со временемъ уже приготовились — было. При этомъ не кто иной какъ жившій тогда у меня Н. Н. Гусевъ самымъ горячимъ и убѣдительнымъ образомъ опровергалъ революціонные взгляды и въ большой степени содѣйствовалъ просвѣтлѣнію сознания членовъ этого кружка и распаденію самой организаціи.

Кромѣ этого случая, происходившаго у меня на глазахъ, мнѣ извѣстны еще многие и другіе. Цѣлый рядъ отдалѣнныхъ лицъ призывался мнѣ въ томъ, что общеніе съ Гусевымъ болѣе всего могло имъ избавить отъ революціоннаго увѣченія.

Только благодаря личному сочувствію Гусева сохранились для читателей нѣкоторыя бесѣды Толстого съ революціонерами, которыя Гусевъ, по своей иніціативѣ и невѣдомо даже для самого Лѣва Николаевича, потрудился стенографически записать несмотря на весьма неудобныя для того условія.

Одна изъ этихъ бесѣдъ состоялась въ Исной Полянѣ осенью 1908 г. После прочтенія доставленной ему революціонной прокламаціи, нелегально изданной въ Тулѣ, Лѣву Николаевичу стало такъ жалко распространявшихся этотъ безумный листокъ молодыхъ людей, что онъ пригласилъ ихъ къ себѣ для бесѣды въ надеждѣ помочь имъ разобраться въ своей ошибкѣ. Горько и обидительно высказавъ собравшейся въ его кабинетъ группѣ тульскихъ революціонеровъ свое отрицательное отношеніе къ ихъ дѣятельности, Л. Н. такъ резюмировалъ свои мысли:

«Первое я говорю, что та дѣятельность, которую вы признаете хорошей, безразлична, потому что нарушаетъ главный законъ человѣческой жизни, — любовь, любовь ко всемъ безъ различія. Второе — то, что тѣ средства, которыя вы употребляете, никакъ не содѣйствуютъ достиженію цѣли, а, напротивъ, отдаляютъ ее. А третье, — то самое главное, что меня и побуждало васъ пригласить, — прямо моя непосредственная жалость о томъ, что вы, побуждаемые хорошими чувствами, губите ваши молодые жизни совершенно бесполезно... За что? За чѣмъ? Изъ-за ложнаго».

Послѣ вступительнаго обращенія Л. Н. — ча состоялась оживленная бесѣда, о характерѣ которой можно составить себѣ представленіе изъ слѣдующихъ отрывковъ, также взятыхъ мною изъ записокъ Гусева.

Л. Н. Люди забываютъ о требованіяхъ совѣсти во имя требованій какаго-то общаго блага...

Революціонеры. Человѣкъ долженъ бороться...

Л. Н. Человѣкъ долженъ жить, долженъ любить. Человѣкъ какъ животное долженъ бороться; а человѣкъ какъ духовное существо становится выше борьбы...

Рес. Въ каждомъ человѣкѣ — два существа, тѣлесное и духовное...

Л. Н. Я хочу сказать, что человѣку надо непременно обратиться къ тѣмъ орудіямъ, надъ которыми онъ властенъ, а властенъ онъ только надъ однимъ: надъ своей особой. И для достиженія той цѣли, о которой мы говоримъ, нужно, главное, работать надъ собой...

Рес. Помыслики — земельные захватчики, и кроме ненависти они ничего не заслуживают.

Л. Н. Если люди будут не то что работать над собой, а хотя бы на минуту оглянуться на себя, то они увидят, что такие слова отрицают всякую возможность какой бы то ни было нравственности. Это — злорадное, самое низменное чувство, которое может быть. Если есть в человеке нравственное чувство, то оно всегда выражается в любви...

И т. д. в том же духе.

Таковы слова Толстого, которые Гусев старательно записывал и распространял. Ть же самые мысли он постоянно высказывал и от себя во всех тех случаях, когда судьба сводила его с людьми, увлекавшимися революционными направлением. Я читал массу писем Гусева, написанных в таком же точно антиреволюционном духе, но кони с которых, к сожалению, не было снято.

На этих днях посетившее меня по долгу незнакомое мне прежде лицо совершенно случайно показало мне письмо, посланное ему Гусевым в прошлом году по поручению Л. Н.—ча в отвить на некоторые сомнения, письменно выраженные этим лицом Л. Н.—чу. Хотя письмо это и не относится непосредственно к вопросу о революции, но косвенно оно бросает яркий свет на отношение Гусева к этому предмету. Передавая в своем письме поручение Л. Н.—ча, Гусев лично от себя прибавил несколько слов. Вот выдержка из этой части письма, написанной Гусевым по своей личной внутренней потребности:

«Вы пишете: «По моему, самые вбрунящие в учение церкви люди заслуживают сожаления и в лучшем случае только енисходения». Простите, мне слышится в этих словах интеллигентная гордость, свойственное ученых людям презрение к народу... Интеллигенция представляется, что первым шагом по пути к просвещению для народа было бы похерить разное всю эту поповщину и воспринять их тонкую и сложную вбру в бактерии, в социализм, конституцию, выборное начало, в «борьбу за существование» как фактор прогресса», в Дарвина вывето Моисея, в Маркса- вывето Христа, в Плеханова вывето пона, в вооруженное возстание вывето причастия, и пр., и пр.,—не перечесать всего, во что должны вбруть передовые люди. В сущности, большинство этих догматов так же противоречит здравому смыслу, как и всякая суевеия, но разница между церковной вброй и научной,—и притом разница в пользу первой,—та, что действительно вбрующие церковники вывет с тьм все-таки

вбруть,—не могут не вбруть, — в Некоторое Таинственное Начало, которое послало их в мир и пребудет от них доброй жизни...

Очевидно, что человек, так отывающийся в частном письме, —пред назначенном только для получателя, о борьбу и насильственном возстании, никак не может ни сочувствовать революционному движению, ни разсать революционные издания.

Близко зная всю подноготную увбачавшейся таким успехом закулисной интриги сначала против меня, а потом и против Гусева, я могу категорически заявить, что со стороны одних лиц, ознчавшихся против Гусева, обвинение его в революционных тенденциях явилось последствием полного недоразумения. Со стороны же некоторых других лиц, из-за своих аогистических, самых низменных интересов, боявшихся присутствия нашего около Л. Н., это обвинение против Гусева представляло безосновную клевету, пущенную в ход ради того, чтобы добиться удаления Гусева из Ясной Поляны тьм же гнусным приемом, который незадолго перед тьм так удачно вызвал мое удаление из Тульской губернии. Наконец, третья категория лиц, озлобленных против Л. Н.—ча за его неуставное обличение господствующего зла, дада ход этой клеветы потому, что иншине Л. Н.—ча помощи Гусева она мешала из-за угла Толстому, причиняла ему наибольшее огорчение, какое была в состоянии причинить.

Весьма возможно, что было какое-нибудь случайное совпадение внешних обстоятельств, которое послужило поводом для недоразумения или предлогом для клеветы. Быть-может, при упомянутой беседь Л. Н.—ча с тульскими революционерами некоторые как бы «инспирированность», которую неизбежно пришлось соблюдать при собрании в одном мбет цьлой группы пресбдумемых по патам революционеров, вызвала подозрение какого-нибудь стражника или служащего в Ясной Поляне. Могло быть и то, что революционная прокламация, побудившая Л. Н.—ча пригласить к себе ея распространителей и имбвшаея в то время у каждого из нас, присутствовавших при беседь, была тьм-нибудь, не замеченная, в чем дьло, замечена на столу у Гусева в занимаемой им проходной комнате и подана нечаянным случаем ему повордить предлог увбруть себя и других, что он с рассылал вывет сь тут же лежавшими, приготовленными для отправки книжками Толстого. Могло также случиться, что среди собравшихся тогда революционеров ихлся провокатор, наклепавший на Гусева ради того, чтобы отличиться. Мало ли какия бывают случайности. Да в наше время в России и ненужно никаких особенных случайностей для того, чтобы подобного рода клевета достигла своей цьли. Стоить только ед пустить в обращение во влиятельных сферах, и она, как зажженная спичка среди сухого хвороста, совершит свое губительное дьло.

Таким-то образом и Гусев, не получив возможности защитить себя и даже не зная, в чем его обвиняют, был вынужден к двухлетней ссылке, а Я. Н. Толстой был лишен привечной помощи близкого человека,—оба ничьм этого не заслужившие, как только тьм, что ждали дозр всеьм людям без различия и старались по мьрб сил и разумия служить Богу мира, братств и любви.

Неужели невозможно пощадить эту вопиющую несправедливость?

В. Чертковъ.

Крекино, 16-го ноября 1909 г.

Воспоминания 26-го ноября 1909

Но, кажется, ни в чем так характерно не проявилось наше пристрастие к ярлыкам, наше русское ярлычество, как в толстовстве.

Что сам Лев Николаевич любить ходит в блузу и в лаптих—это, можно сказать, его дело. Если жена цезаря была выше подозрений, то уж сам цезарь, навыворот от литературы он по праву состоит, темь больше. Но несомненно одно, что он носил блузу и прочее не потому, чтобы блуза и прочее требовались его уче-

нием, а просто потому, что ему нравится блуза, он находил ее наиболее удобной для себя одежды.

Это—Толстой, а то толстовство и толстовцы. Не следует смешивать этих двух вещей. Как вырастает из земли дерево и растет и кривнеет и покрывается корой, пускает ветви, облекается листьями, цветет и приносит плоды, так вырастает он со своим могучим гением, со своим учением и со своим причудами. Толстовство же получало блузу вместе с учением. Как бывало, что в мѣшечкѣ съ орѣхами, которые отбѣснѣи вамъ въ лапкѣ, вы случайно находите камушекъ... Нобы, вѣдь, отогъ камушекъ и не пробуете раскусить. Вы его выбрасываете, какъ ненужную вещь. Толстовцы, получивъ отъ своего учителя его учение, нашли въ немъ случайно понашую туда блузу, но не выбросили ее, а начали раскусывать. Они поставили ее на ряду съ основными положеніями его ученія, радомъ съ непротивленіемъ злу. Можетъ быть, они даже обрадовались этой находкѣ, потому что она видима, осязаема, легка, доступна. Еще съ непротивленіемъ злу надо повозиться, надо его понять, надо имъ проникнуться. А блуза—блузу просто надѣть да и ходить въ ней, и всякій сейчасъ же видитъ, что ты толстовецъ. Это преимущество всякаго ярлыка, и блуза здѣсь тоже ярлыкъ.

Мнѣ рассказывалъ одинъ мой хорошій пріятель. Онъ глубокій толстовецъ по убѣжденію, но толстовецъ духовный. Изучилъ онъ своего учителя до тонкости, но никогда ему и въ голову не приходило носить блузу. Ходилъ онъ въ пиджакѣ и сюртукѣ, носилъ крахмальные воротнички и галстуки, какъ дѣлалъ это до своего толстовства. Случилось ему побывать гдѣ то въ провинціи въ уѣздномъ городѣ. Тамъ оказалось цѣлое гнѣздо толстовцевъ. У него были письма, и онъ познакомился.

— Но представь, — рассказывалъ онъ мнѣ, — оказались прекрасные люди, простые, милые, добрые. Тѣмъ не менѣе, я скоро замѣтилъ, что ко мнѣ они относятся какъ то въ высшей степени осторожно, не то стѣсня-

ются меня, не то не доверяютъ. Я никакъ не могъ понять этого. Они знали, кто я, и не имѣли основанія подозрѣвать меня въ чемъ бы то ни было. По взглядамъ мы сходились во всемъ. Кажется, не было ни одного пункта разнотласія. И вотъ—недовѣріе и даже какъ мнѣ иногда казалось, враждебность. Что такое? Я ломалъ голову, и это было бы напраснымъ трудомъ, если бы меня не просвѣтилъ одинъ мой знакомый изъ ихъ среды, но какъ то болѣе близко ставшій ко мнѣ. Я ему просто-напросто пожаловался.—А это, — сказалъ онъ мнѣ, — очень просто. Вы видите, все мы ходимъ въ блузахъ, вотъ я такъ даже на службу въ кредитное общество умудрился явиться въ блузу—сперва косился, а потомъ ничего, привыкли. А вы вотъ въ сюртукѣ.

— Но какое же это имѣетъ значеніе? Я просто не выношу фасона блузы, я привыкъ къ сюртуку, я отично чувствую себя въ немъ.

— Конечно, конечно. Въ сущности, это не имѣетъ никакого значенія и нисколько не вытекаетъ изъ духа ученія. Но вотъ, подите же...

— Значитъ, въ этомъ смыслѣ высказывались?

— Не то чтобы... не прямо. Но я это вижу изъ полусловъ. Знаете, эта блуза къ нимъ перешла какъ-то вмѣстѣ съ учениемъ.

— Да развѣ въ ученіи о ней что-нибудь сказано?

— Разумѣется, нѣтъ. Но это ужъ обратилось въ преданіе. Не даромъ же и на толстовской выставкѣ въ Петербургѣ ее показывали въ особомъ шкафу подъ стекломъ. Это символъ...

— А я думаю, что это не символъ, а ярлыкъ...

— Можетъ быть, вы и правы. Да, въ сущности, ярлыкъ есть тотъ же символъ, только въ первобытномъ грубомъ видѣ.

Фр. Милл.

(Окончаніе застра).

Впечатлѣнія бытія.

Ярлычество *).

Символъ или ярлыкъ, ярлыкъ или ярлычество, но это свойственно русскому констативному духу. Я какъ-то встрѣтилъ въ Германіи человека съ сильно заинтересовавшимъ меня лицомъ. Это было гдѣ-то на художественной выставкѣ. Старикъ съ длинной бородой, со вдумчивымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ блестящихъ умныхъ глазъ, съ густыми нависшими бровями. Онъ былъ одѣтъ въ длинный черный сюртукъ и въ рукѣ держалъ толстую палку. Я спросилъ о немъ, и мнѣ объяснили, что это извѣстный въ городѣ, даже въ странѣ, проповѣдникъ новаго релігіознаго ученія, въ основѣ котораго лежатъ чистота и простота евангельскаго ученія. Глядя на него, я вспоминалъ нашихъ ярлычствующихъ толстовцевъ. Онъ былъ одѣтъ съ скрупулезной шепетильностью, и ничто во внѣшности не подчеркивало его ученія. А что онъ былъ человекъ убежденный, объ этомъ говорили его глаза.

* См. вчерашній веч. вып. «Бирж. Вѣд.» № 11436.

Но его внутреннее убѣжденіе, очевидно, не нуждалось въ ярлыкѣ.

На-дняхъ я испыталъ трагическое впечатлѣніе, которое, хоть и не крупнаго калибра, а все же можетъ служить иллюстраціей къ ярлычеству. Для моего организма сдѣлалась тяжелой мясная пища. Много было этому причинъ, а самая главная, должна быть, та, что я вступилъ уже во второе пятидесятилѣтіе жизни. Но петербуржецъ, если у него дома нѣтъ своей кухни, въ этомъ отношеніи поставленъ въ ужасное положеніе. Меню ресторановъ рассчитано на кровавые аппетиты людей, съ неутолимимымъ обильнымъ веществомъ. И кто то, жезлая облагодѣтельствовать меня, открылъ мнѣ, что въ столицѣ имѣется вегетарианская столовая. Я обрадовался и пошелъ туда.

Оговариваясь, что мнѣ была чужда какая бы то ни была тенденція. Просто организм мой нуждался въ безубойной пищѣ, и когда я взглянулъ въ меню, то почувствовалъ себя просто-таки облагодѣтельствованнымъ. Тутъ и капуста въ разныхъ видахъ, и котлеты изъ каштановъ, и уха изъ овощей, и вареники съ творогомъ,—словомъ, кушанья, которыя могли бы удовлетворить даже ангеловъ.

Но когда, заказавъ обѣду, я поднялъ голову и началъ разглядывать стѣны, я затрепеталъ отъ страха. Въ рамкахъ и безъ ра-

мокъ тамъ висѣли листы бумаги, на которыхъ были начертаны изреченія изъ Толстого и другихъ мудрецовъ. Я подходилъ къ каждому и читалъ и чувствовалъ, какъ съ каждой новой строкой пропадаетъ мой аппетитъ.

Что было въ этихъ изреченіяхъ, точно не помню, но помню, что говорилось въ нихъ о грѣховности мяснаго питанія. Они убились на каждомъ, во что бы то ни стало, показаться въ этомъ грѣхѣ, бросить этотъ пережитокъ дикаго варварства. Да, такъ именно и сказано: «пережитокъ дикаго варварства», — и предаться мирному и безгрѣшному овоше-молочному питанію.

Поймите меня: я пришелъ съ скромнымъ желаніемъ поѣсть капусты и варениковъ. Мысли мои были настроены легко, какъ и полагаются за обѣдомъ. А тутъ вдругъ на меня насаждаютъ со всѣхъ сторонъ категорическіе императивы. «Ну, нѣтъ,—говорятъ они мнѣ,—ты думаешь такъ просто: сѣсть на столъ и поѣсть капусту и варениковъ? Ты хочешь отдѣлаться объясненіемъ, что твой организмъ не переноситъ мяса? Ну, нѣтъ, братъ, шалишь, этикъ ты не отдѣлешься. Ты долженъ ѣсть овощи, потому что мясоѣденіе есть пережитокъ дикаго варварства и къ тому же грѣхъ» и пр., и пр.

Б. В. 27^е Нолд. 1900

Письмо А. Л. Толстой.
Въ «Русск. Вѣд.» сегодня напечатано письмо дочери гр. Л. Н. Толстого Александры Львовны, въ которомъ она сообщаетъ, что прочла въ газетѣ «Бирж. Вѣд.» отъ 20 ноября описаніе бесѣды, происходившей между Л. Н. и начинающимъ писателемъ А. И. П., и заявляетъ, что Л. Н. не могъ бы въ такихъ грубыхъ, не свойственныхъ ему, выраженіяхъ отзываться о современныхъ писателяхъ. Весь этотъ разговоръ вымышленъ, Л. Н. ничего подобнаго не говорилъ.

Росс. 27^е Нолд. 1900

— Губернаторъ опротестовалъ постановленіе очереднаго московскаго уѣзднаго земскаго собранія, которымъ были одобрены дѣйствія уѣзднаго управы по открытію въ с. Витцахъ народной бібліотеки имени гр. Л. Н. Толстого. Также не утверждено и постановленіе волоколамскаго уѣзднаго земскаго собранія объ открытіи въ с. Плюскомъ народной бібліотеки имени гр. Л. Н. Толстого. Протесты эти мотивируются тѣмъ, что до сихъ поръ нѣтъ разрѣшенія отъ министра внутреннихъ дѣлъ на ознаменованіе 80-лѣтія со дня рожденія гр. Л. Н. Толстого.

Русс. Вѣд. 27^е Нолд. 1900

Парижский квартетъ у Л. Н. Толстого.

Г. Кусевицкій сообщилъ сотруднику „Утра Россіи“ о поѣздкѣ своей, парижскаго квартета старинной музыки и пианиста Гольденвейзера въ Ясную Поляну:

„Ровно въ часъ сѣли за столъ. Л. Н. все время велъ бесѣду о музыкѣ. Онъ оказался очень свѣдущимъ и въ этой отрасли. Всѣхъ старинныхъ композиторовъ онъ не только зналъ, но и знакомъ со школами и эпохами, къ которымъ они принадлежать.

— Послѣ обѣда онъ просилъ насъ сыграть. Играли долго. Толстой все время сидѣлъ и плакалъ. Въ особенности сильное впечатлѣніе произвела на него концертная симфонія Лоренцетти для виоль-д'амура и контрабаса въ сопровожденіи квартета, многія мѣста которой Л. Н. просилъ повторить.

— Когда онъ собрался на послѣобѣденную прогулку верхомъ, мои товарищи-французы окружили его съ фотографическими аппаратами и сняли отдѣльно и въ различныхъ группахъ. Л. Н. терпѣливо позировалъ съ своей милой, необыкновенно ласковой улыбкой на лицѣ. Въ

семь часовъ мы ужинали. Обѣдъ былъ вегетаріанскій, а на ужинъ предложили, кому угодно, мяса. Но вегетаріанскій столъ въ „Ясной Полянѣ“ такъ вкусенъ, что отъ мяса всѣ отказались.

— Послѣ ужина снова играли. Игра прерывалась бесѣдой. Л. Н. живо интересовался старинными инструментами. Внимательно ихъ разсматривалъ, подробно разспрашивалъ объ ихъ устройствѣ. Онъ пожелалъ послушать отдѣльно мою игру, и я исполнилъ двѣ свои пьесы и одну Ласка. Затѣмъ онъ захотѣлъ услышать клавесинъ и А. Казелла сыгралъ нѣсколько вещей Моцарта и Баха. Съ лица Л. Н. все время не сходила радостная улыбка, которая всѣхъ такъ согреваетъ, объединяетъ. Французы отъ него въ полномъ восторгѣ; они не представляли, что на землѣ можетъ существовать такой человѣкъ, говорили, что день, проведенный въ Ясной Полянѣ, будетъ для нихъ историческимъ. Ихъ ужасно ободрило и поддержало, когда Л. Н. Толстой сказалъ, что радуется возрожденію старинной музыки, и пожелалъ квартету дальнѣйшихъ успѣховъ въ его трудной работѣ.

Въ 12 часовъ ночи мы съ грустью распростились съ радушными хозяйками, несмотря на просьбу Толстого, засидѣвшагося съ нами до поздняго часа, остаться еще, такъ какъ на воскресенье былъ назначенъ нашъ концертъ въ Москвѣ.“

Известіа Моск. 27-го нбр. 1903

жизнью, что Л. Н. живет не по вѣрѣ, а по человеческому, заблуждающемуся разуму».

На это Левъ Николаевичъ отвѣтилъ ей слѣдующимъ письмомъ.

«31-го августа 1909 г. Ясная Поляна.

«Милая и близкая мнѣ по духу, а потому искренно любимая сестра Марія Михайловна, прочесть ваше письмо сестрѣ и былъ тронуть вашими добрыми чувствами ко мнѣ. Но простите меня, милая Марія Михайловна, меня огорчило въ немъ то, что противно моему духу и жизни вашей и что дорожке всего на свѣтѣ какъ для меня, такъ и для васъ, и именно, разубѣдая, несомненное съ вашей стороны, но все-таки большое мнѣ нарушение любви. Изъ письма вашего видно, какъ изъ многихъ писемъ, которыя я получаю отъ добрыхъ, религиозныхъ, православныхъ лицъ, содержащее о томъ заблужденіи, незнаніи истины, въ которомъ я нахожусь. Вотъ это-то мнѣ и больно. Вѣдь то, во что человѣкъ вѣритъ, чѣмъ живетъ, какъ вы это хорошо знаете, для него дорожка всего, дорожка матери, жены, дѣтей, дорожка самого себя. И вотъ люди, вѣруя иначе, чѣмъ тотъ, къ кому они обращаются, прямо говорить или давать ему чувствовать то, что онъ—во лжи, а они—въ истинѣ. Вѣдь больше этого нельзя дѣлать оскорбленія. Скажу хоть про себя по отношенію къ православію. Я былъ легкомысленнымъ, дряннымъ, ни во что не вѣрующимъ человѣкомъ. Приняло время, когда я почувствовалъ неизбежно необходимость вѣры, и я принялъ ту вѣру православія, въ которой родился и былъ воспитанъ, принявъ ее всѣмъ сердцемъ, всѣми силами души, всячески стараясь утвердить себя въ ней, исполняя всѣ ея требованія, изучая ее. Но, увы, всегда находилъ отвѣтъ на всѣ мои вопросы души въ ученіи Христа, а не находилъ ихъ въ томъ, что называется церковной вѣрой. Не только не находилъ ихъ, но они мѣшали мнѣ вполне отдаться ученію Христа, которое онъ самъ такъ опредѣленно и прятко выразилъ въ отвѣтѣ фарисею, что весь законъ въ одной заповѣди любви къ Богу и ближнему.

Милая Марія Михайловна, я не говорю, что я одинъ изъ истинъ и что всѣ вѣрующіе иначе заблуждаются, но прошу и всѣхъ другихъ относиться ко мнѣ такъ же. Не de gaieté de coeur или изъ тщеславія я отдѣлился отъ православія, а къ болью и страданіемъ. Отдѣлился потому, что не могъ иначе. Основа моей вѣры — въ тѣхъ написанныхъ стихахъ посланія Іоанна *), которые прилагаю. Вѣщанія же проявленія моей вѣры всѣ въ одномъ—въ стараніи проявленія любви: въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ, какъ я выразилъ это тоже въ прилагаемой краткой молитвѣ. Я не говорю, что вѣра въ божественность Христа, въ искупленіе имъ грѣховъ, въ тайнства и пр. несправедлива или ошибочна, я знаю только то, что все это мнѣ совершенно не нужно, когда я живу закономъ любви, какъ единую заповѣдь закона Бога, и всѣ

силы моей души употребляю на ея исполненіе. Твердо же вѣрую я въ истину этой заповѣди, во-первыхъ, потому, что она согласна не только съ моимъ разумомъ, но и съ разумомъ мудрецовъ и святыхъ людей всего міра: браминъ, Будды, Конфуція, Лаоце и др., а также и всѣхъ, всѣхъ простыхъ людей міра, всегда согласныхъ съ этой заповѣдью и закономъ любви.

Это—во-вторыхъ. Во-вторыхъ, потому, что исполненіе этой заповѣди даетъ высшее благо людямъ, и, въ-третьихъ и главное, потому, что опытъ жизни показываетъ мнѣ, что какъ только я всѣми силами души стараюсь исполнить эту заповѣдь, я чувствую, какъ сказано въ посланіи Іоанна, что Богъ во мнѣ, и я въ Немъ, и что, любящій людей христіанской любовью, я не только освобождаюсь отъ великихъ тревогъ, заботъ, страданій душевныхъ, но испытываю полное блаженство, которое не нарушается, какъ бывало прежде, мысля о смерти. Напротивъ, смерть становится желаннымъ благомъ, къ которому спокойно и радостно приближаюсь. Не виноватъ же я въ томъ, что для меня исполненіе ученія Христа возможно только тогда, когда я принимаю заповѣдь любви единой, единой заповѣдью.

Очень можетъ быть, что другимъ нужно при этомъ еще другія вѣрованія, мнѣ же они только мѣшали, и потому будемъ уважать вѣрованія другъ-друга, а главное—любить другъ-друга, что мнѣ по отношенію васъ зѣло испытывать, даже невозможно не испытывать.

Такъ прощайте же, милая Марія Михайловна. Искренно любящій васъ Левъ Толстой».

Къ этому писму приложена авторомъ слѣдующая его молитва и избранные тексты изъ посланія Іоанна Богослова: «Знаю, что если я въ любви, то я съ Тобой. А если я съ Тобою, то все—благо. Такъ буду же всегда любить всѣхъ въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ».

«Богъ есть любовь. Пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ. Бога никто не видѣлъ нигдѣ, но если мы любимъ другъ-друга, то Богъ пребываетъ въ насъ, и любовь его въ насъ совершилась».

«Если кто говоритъ: люблю Бога, но брата своего ненавидитъ, тотъ—лжецъ; ибо не любящій брата, котораго видитъ,—какъ можетъ онъ любить Бога, котораго не видитъ? Братія, будемъ любить другъ-друга, любовью отъ Бога, и любящій родился отъ Бога и знаетъ Бога, потому что Богъ есть любовь».

Но просьбѣ прикованной къ смертному одру старушки былъ составленъ для нея однимъ изъ бывшихъ православныхъ іерарховъ проектъ отвѣта на изложенное писмо. Но говорятъ, что старушка этотъ проектъ не вполне одобрила, вслѣдствіе чего онъ посланъ по назначенію не былъ. Послѣдовавшая вскорѣ кончина М. М. прекратила дальнейшую переписку.

W.

*) Печатается ниже вышѣ съ молитвой Л. Н.

Русс. Восток. 23^е кн., 1909
(печатаю на бланкѣ старушки)

Извѣстно какъ хлопоталъ въ мартѣ 1881 года, изъвѣстнѣе безъ сомнѣнія большія связи, гр. Л. Н. Толстой о доставленіи его письма Императору Александру III и съ какими трудностями это было сопряжено. Вѣдь, Толстому пришлось обратиться за этимъ къ тому же Побѣдоносцеву, который въ просьбѣ, разумѣется, отказал¹⁾).

¹⁾ Объ этомъ см. во П-мъ томѣ, составленной П. И. Бирюковымъ, біографія Л. Н. Толстого. Стр. 371—374.

Романъ 23 = Ноябрь. 1909

Обыски и аресты.

Въ ночь на 28-е ноября арестованъ, послѣ произведеннаго обыска, быв. редакторъ журнала «Былое», Василій Яковлевичъ Яковлевъ-Богучарскій, много работавшій по исторіи русской общественности. При обыскѣ взяты всѣ матеріалы, относящіеся къ его историческимъ изслѣдованіямъ. Взяты также нѣкоторые документы по дѣламъ общества для устройства дома-музея имени Л. Н. Толстого». В. Я. Яковлевъ состоитъ секретаремъ этого общества.

Обыскъ въ его квартирѣ продолжался съ часу ночи до 6½ ч. утра.

В. Я. Яковлевъ-Богучарскій содержится въ домѣ предварительнаго заключенія.

Романъ 23 = Ноябрь. 1909

Вос.

Н. П. Павлов-Сильванский. Очерк
по русской истории XVIII—
XIX вв. Спб. 1910 г. Стр. 401. Ц. 1 р. 50 к.

В проредактированный П. Щеголевым
посмертный сборник работ молодого талант-
ливого историка вошли, большою частью,
печатавшиеся уже раньше в журналах
статьи покойного, не относящиеся к той
эпохе, исследование которой создало Н. П.
Павлову-Сильванскому научное имя. Но и
вошедшие в «Очерки» статьи представ-
ляют большой интерес как для специа-
листов, так и для широкой публики. Статьи
написаны очень популярно, но в то же
время содержат много данных, извлечен-
ных из архивов. В этом отношении
большое значение имеет первая публикуе-
мая статья «Мятежи верховников о рефор-
мах Петра Великого» — основанный на до-
кументах очерк реакции против петров-
ских реформ среди ближайших сотрудни-
ков Петра Великого вскоре же после его
смерти.

Съ неслабывающим интересом читает-
ся статья о петровском сподвижнике Петре
Толстом, прапурце А. Н. Толстого, участие
которого в судъ надъ царевичемъ Алексъ-
емъ создало легенду, что на родъ Толстыхъ
до 25-го колѣна тяготѣетъ проклятіе, из-
реченное въ мукахъ царевичемъ. «Царевича
кровь», — писали Петру Толстому въ од-
номъ подметномъ письмѣ, — вамъ съ дядею и
со всѣмъ родомъ отомстится».

Кромѣ указанныхъ статей въ «Очеркахъ»
помѣщены статьи о Посошковыхъ (закрыва-
ющая новый матеріалъ), Радищевъ (компи-
ляция, ничего новаго не дающая), о Пестеляхъ
и материалистахъ 20-хъ годовъ. Особня-
комъ стоятъ полемическія статьи о работѣ
Трафилева по поводу крестьянскихъ волне-
ній при Павлѣ I, критическій очеркъ о драмѣ
Пушкина «Борисъ Годуновъ» и большая
біографія великаго князя Константина Нико-
лаевича.

И.

Росс 31² Ноем. 1909

Росс. 200. 30² Ноем. 1909

Судебная вѣста.

♦♦ 30 ноября въ особомъ присутствіи спб. судебной палаты, съ участіемъ основныхъ представителей, слушалось дѣло по обвиненію издателя брошюры Л. Н. Толстого—«Царство Божіе внутри насъ» г. Герцика въ коюшувствѣ и призывѣ къ увнечію бунтовщическихъ дѣяній.

Защитала подсудимаго прис. пов. Л. Н. Андронниковъ и Н. Д. Соколовъ.

Особое присутствіе приговорило Герцика къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ.

Речь 1² Дек. 1909

Сочиненія Л. Толстого передъ судомъ.

Спб. судебной палатой приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ губернский секретарь Герцигъ за изданіе произведенія гр. Льва Толстого «Царство Божіе внутри насъ». Палата усмотрѣла въ этомъ произведеніи Толстого оскорбленіе церкви, призывъ къ неплатежу податей и другіе познаны преступленій, предусматриваемыхъ 73 и 129 ст.ст. уг. уз. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ. Защищали пр. пов. Н. Д. Соколовъ и Андронниковъ.

Б.В. 1² Дек. 1909

Къ этому письму приложена авторомъ слѣдующая его молитва и избранные тексты изъ посланія Іоанна Божьяго слова:

«Знаю, что если я въ любви, то я съ Тобой. А если и съ Тобой, то все — благо. Такъ буду же всегда любить всѣхъ въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ».

«Богъ есть любовь. Пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ. Бога никто не видѣлъ нигдѣ, но если мы любимъ другъ друга, то Богъ пребываетъ въ насъ, и любовь Его въ насъ совершилась».

«Если кто говоритъ: люблю Бога, но брата своего ненавидитъ, тотъ — лжецъ; ибо не любившій брата, котораго видѣть, — какъ можетъ онъ любить Бога, котораго не видѣть? Братія, будемъ любить другъ-друга, любовь отъ Бога, и любившій родился отъ Бога и знаетъ Бога, потому что Богъ есть любовь».

По просьбѣ прикованной къ смертному одру старушки былъ составленъ для нея однимъ изъ высшихъ православныхъ іерарховъ проектъ отвѣта на изложенное письмо. Но говорятъ, что старушка этотъ проектъ не вполне одобрила, вслѣдствіе чего онъ посланъ по назначенію не быть. Послѣдовавшая вскорѣ кончина М. М. прекратила дальнѣйшую переписку.

ГАЗЕТНЫЙ ДЕНЬ.

Письмо Л. Н. Толстого.

Между великими писателями земли русской и известной петербургской благотворительницей М. М. Дундуковой-Корсаковой (скончавшейся 14-го сентября 1909 г.) незадолго до ее смерти состоялся обмен письмами. Содержание письма Марии Михайловны, по сообщению близких к почившей, бывших возлечь на ней при ее последних минутах, состояло приблизительно в следующем: «Утешаема молитвой и утешающая любовью и вниманием пастырей церкви, я спокойно оканчиваю мою жизнь.

Очень сожалю, что Л. Н. живет не по вѣрѣ, а по человеческому, заблуждающемуся разуму».

На это Лев Николаевич отвѣтил ей слѣдующимъ письмомъ, которое приводятъ «Русскія Вѣдомости»:

«Милая и близкая мнѣ по духу, а потому искренно любимая сестра Марія Михайловна, прочелъ ваше письмо съ стрѣй и былъ тронутъ вашимъ добрымъ чувствомъ ко мнѣ. Но простите меня, милая Марія Михайловна, меня огорчило въ немъ то, что противно моему духу и жизни вашей и что дороже всего на свѣтѣ какъ для меня, такъ и для васъ, и именно, разумѣется, невольное съ вашей стороны, но все-таки большое мнѣ нарушение любви. Изъ письма вашего видно, какъ изъ многихъ писемъ, которыя я получаю отъ добрыхъ, религиозныхъ православныхъ лицъ, составленъ о томъ заблужденіи, незнаніи истины, въ которомъ я нахожусь. Вотъ это-то мнѣ и больно. Вѣдь то, во что человѣкъ вѣритъ, тѣмъ живетъ, какъ вы это хорошо знаете, для него дороже всего, дороже матерн, жены, дѣтей, дороже самого себя. И вотъ люди, вѣруя иначе, чѣмъ тотъ, къ кому они обращаются, прямо говорятъ или даютъ ему чувствовать то, что онъ — во лжи, а онъ — въ истинѣ. Вѣдь, больше этого нельзя дѣлать оскорбленія. Скажу хоть про себя по отношенію къ православію. Я былъ легкомысленнымъ, дряннымъ, ни во что не вѣрующимъ человѣкомъ. Пришло время, когда я почувствовала необходимою необходимость вѣры, и я приняла ту вѣру православія, въ которой родился и былъ воспитанъ, принявъ ее всѣмъ сердцемъ, всѣми силами души, всѣчески стараясь утвердить себя въ ней, исполнять всѣ ея требованія, изучать ее. Но, увы, всегда находя отвѣтъ на всѣ мои вопросы души въ ученіи Христа, я не находила ихъ въ томъ, что называется церковной вѣрой. Не только не находила ихъ, но они мѣшали мнѣ вполне отдаться ученію Христа, которое онъ самъ такъ опредѣленно и кратко выразилъ въ отвѣтѣ фарисею, что весь законъ въ одной заповѣди любви къ Богу и ближнему.

Милая Марія Михайловна, я не говорю, что я одинъ въ истинѣ и что всѣ вѣрующіе иначе заблуждаются, но прошу и всѣхъ другихъ относиться ко мнѣ такъ же. Не de gaieté de coeur или изъ тщеславія я отъступилъ отъ православія, а съ бою и страданіемъ. Отъступилъ потому, что не могъ иначе. Основа моей вѣры — въ тѣхъ написанныхъ стихахъ посланія Іоанна, которые прилагаю. Вѣрныя же проявленія моей вѣры всѣ въ одномъ — въ стараніи проявленія любви: въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ, какъ я выразилъ это тоже въ прилагаемой краткой молитвѣ. Я не говорю, что вѣра въ божественность Христа, въ искупленіе имъ грѣховъ въ таинства и пр. несправедлива или ошибочна, я знаю только то, что все это мнѣ совершенно не нужно, когда я знаю заповѣди любви, какъ единую заповѣдь закона Бога, и всѣ силы моей души употребляю на ея исполненіе. Твердо же вѣрую я въ истину этой заповѣди, во-первыхъ, потому, что она согласна не только съ моимъ разумомъ, но и съ разумомъ мудрецовъ и святыхъ людей всего міра: браминь, Будды, Конфуція, Лаоцзе и др., а также и всѣхъ, всѣхъ простыхъ людей міра, всегда согласныхъ съ этой заповѣдью и закономъ любви.

Это — во-первыхъ. Во-вторыхъ, потому, что исполненіе этой заповѣди даетъ высшее благо людямъ, и, въ-третьихъ и главное, потому, что опытъ жизни показываетъ мнѣ, что какъ только я всѣми силами души стараюсь исполнить эту заповѣдь, я чувствую, какъ сказано въ посланіи Іоанна, что Богъ во мнѣ и я въ Немъ, и что, любящій людей христіанскою любовью, я не только освобождаюсь отъ всякихъ тревогъ, заботъ, страданій душевныхъ, но испытываю полное блаженство, которое не нарушается, какъ бывало прежде, мыслью о смерти. Напротивъ, смерть становится желаннымъ благомъ, къ которому спокойно и радостно приближаюсь. Не виноватъ же я въ томъ, что для меня исполненіе ученія Христа возможно только тогда, когда я признаю заповѣдь любви единой, одной заповѣдью.

Очень можетъ быть, что другимъ нужны при этомъ еще другія вѣрованія, мнѣ же они только мѣшали, и потому будемъ уважать вѣрованія друг друга, а главное — любить друг друга, что мнѣ по отношенію васъ легко испытывать, даже невозможно не испытывать.

Такъ прощайте же, милая Марія Михайловна. Искренно любящій васъ Левъ Толстой.

Отмена земских выборов.

По протесту московского губернатора, особое по городским и земским делам присутствие отменило выборы председателя бронницкой земской управы. Что же касается вопроса об открытии при земских школах библиотек имени Толстого, то присутствие постановило разрешить открытие условно, до рассмотрения этого вопроса в Петербурге.

Расс 2-й Дек. 1903

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЪТОПИСЬ.

„Berliner Tageblatt“ сообщают из Сморгони (виленской губ.), что мѣстный раввинъ Гордонъ получилъ предложеніе отъ Л. Н. Толстого принять участіе въ составленіи сборника изреченій по вопросамъ морали, чѣмъ, какъ извѣстно, Л. Н. занималъ въ послѣднее время. Сборникъ выйдетъ въ изданіи „Посредника“. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ раввину отъ 21 ноября Л. Н. пишетъ:

„Я буду вамъ очень обязанъ, если вы мнѣ доставите выписки изъ талмудическихъ изреченій. И не я одинъ буду вамъ обязанъ, но что еще важнѣе, — тѣ милліоны читателей, которые благодаря дешевому изданію получаютъ возможность познакомиться съ религіозною мудростью древнихъ учителей еврейскаго народа.“

Расс 2-й Дек. 1903

БАХЧИСАРАЙ.

(Корреспонденция «Вирж. Вѣдомостей»).

«Крамольная обложка».

Въ Бахчисарай изъ устъ въ уста передается слѣдующій «куръезъ», героиней котораго являлся учительница мѣстной церковно-приходской школы З. А. Заводская.

Ученики этой особы послѣднее время стали покупать тетради, обложки которыхъ украшены портретами великаго писателя земли русской—престарѣлаго Л. Н. Толстого.

— Сступайте и возвратите эти тетради у кого ихъ купили!—приказала вдругъ учительница.

Черезъ минуту дѣти суетливо и озабоченно бѣгали по писчебумажнымъ магазинамъ и лавочкамъ и, вручая тетради съ «крамольной» обложкой продавцамъ, говорили:

— Дайте другія, потому намъ учительница запретила покупать тетради съ портретами дѣдушки...

Такимъ образомъ, «зло» было пресѣчено въ корнѣ...

За такое разбѣие г-жа Заводская, по слухамъ, представляется въ награду.

Пріѣзжій.

Б. В. 4-й Дек. 1903

Новое письмо Толстого.

Въ только что вышедшей первой книжкѣ новаго изданія извѣстнаго В. А. Поссе «Жизни для всѣхъ» помѣщено письмо польской женщины въ Лѣву Толстому и отвѣтъ ей маститаго писателя.

Письмо переслано редактору самима Тол-

стому съ предостереженіемъ «дѣлать въ немъ всѣ тѣ сокращенія, какія окажутся нужными».

Предупрежденіе—увы!—оказалось очень пошлыми: мѣстахъ въ пяти, текстъ Толстого прерывается точками.

Польская женщина упрекаетъ Толстого въ одномъ его «великомъ грѣхѣ, тяжеломъ упушеніи, какъ христіанина, какъ человѣка и какъ русскаго». Конечно, разумеется польскій вопросъ.

Отвѣтъ Толстого не удивляетъ пошлостью сужденія. Да и не могло быть иначе,—взгляды его на національный вопросъ и національную политику давно извѣстны.

Великій писатель, конечно, повторяетъ, что протестъ на насііе насііе безполезенъ и преступенъ.

— Насііе можетъ только ухудшить положеніе поработенныхъ, но ни въ какомъ случаѣ не освободитъ ихъ.

— А между тѣмъ, средство освобожденія такъ просто, — по обыкновенію говорить

Толстой, — избавленіе поработенныхъ людей нашего времени, но только польскаго народа, но всѣхъ народовъ, всѣхъ поработенныхъ классовъ,—не въ разжиганіи того или иного польскаго, индускаго, саянскаго патріотизма или революціоннаго задора..., а только въ одномъ—въ отрѣшеніи отъ отжитаго людскимъ, уже несущественнаго имъ закона борьбы въ насііи и въ признаніи основнаго закономъ жизни общаго закона любви...

Въ томъ же номерѣ журнала помѣщены вѣщныя Чиркова, Баранцевича и др.

Б. В. 5-й Дек. 1903

Н. Тенеромо. «Жизнь и рѣчи Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ». Сиб. 1909 г. Изд. «Посѣвъ». Цѣна 70 к.

Г. Тенеромо непостоянъ въ своихъ разсказахъ всего слышаннаго имъ изъ устъ великаго писателя. Подчасъ поражаешься, откуда такое обиліе какъ будто подлинныхъ рѣчей Лѣвы Николаевича? Всѣ эти рѣчи производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ спеціально говорились для Г. Тенеромо и онъ ходилъ слѣдомъ за Л. Н. Толстымъ съ пишущимъ аппаратомъ и жалко записывалъ въ свой блокнотъ каждое движеніе губъ великаго старца. Эти вольныя рѣчи, раздѣленныя, очевидно, большими промежутками времени, подчасъ грѣшатъ явными противорѣчіями, въ которыхъ не знаемъ, кого обвинить—Толстого или его отраженную тѣнь—Г. Тенеромо. Несомнѣнно, для Г. Тенеромо—Лѣва Николаевичъ—прекрасный матеріалъ, который онъ обрабатываетъ по-своему, иногда удачно, иногда весьма рискованно; поэтому иногда такъ и кажется, что вот-вотъ раздается голосъ изъ Ясной Поляны: «Не говоришь столько обо мнѣ и отъ моего же имени...» Безспорно, въ разсказахъ Г. Тенеромо есть много интереснаго, тѣ мысли и сужденія, которыя онъ вкладываетъ въ уста Лѣву Николаевичу, любопытны и, подчасъ, поучительны. Но хотѣлось бы все это слышать непосредственно отъ патрарха русской литературы и только тогда всѣ эти маленькія литературныя импровизаціи имѣли бы большую цѣнность. Теперь же, говоря по совѣсти, не знаемъ, какъ отнестись къ многимъ странностямъ книжки Г. Тенеромо: если это подлинныя рѣчи Г. Толстого, то онѣ подлежатъ одной оцѣнкѣ, если въ нихъ значительная приправа перелатина ихъ—то оцѣнка должна быть другая. Всѣ мысли, высказанныя въ главѣ «о женщинахъ», «о разводѣ», «о театрѣ», «изъ прошлаго», «о пресѣбѣ», кажутся какими-то наиронными прѣсмысли—не видно въ нихъ почты толстовскаго гения. Нѣкоторыя легенды, разсказанныя здѣсь, красивы (о душѣ и тѣлѣ), другія какъ-то оборваны и неудачны (напр., о Соколатѣ). Издана книжка плохо, и цѣна ея назначена сравнительно высокая. Такія изданія нужно сдѣлать совсѣмъ дешевыми, и только тогда они могутъ разсчитываться на большое распространеніе.

Знѣ.

Росс. 5-й Дек. 1903

Владимірское собраніе закончило обсужденіе докладовъ по народному образованію и медицинѣ. Не касаясь текущихъ общенныхъ дѣлъ, отмѣтимъ слѣдующія постановленія:

Вопросъ о пересмотрѣ каталога школьных (ученическихъ) 40-рублевыхъ библиотекъ губернскаго земства пропелъ на собраніи согласно высказаннаго комисіей пожеланія, чтобы нѣсколько книгъ Гоголя: «Носъ», «Коляска» и др., какъ неинтересныя для учениковъ начальныхъ школъ, были изъ каталога исключены, а замѣнены ихъ включены сказки Бр. Гриммъ, 1-я, 2-я, 3-я и 4-я книги для чтенія Л. Толстого и нѣсколько книгъ изъ «Будущаго» разсказовъ Засодимскаго.

Отложено ходатайство владимірской духовной консисторіи объ увеличеніи содержанія законоучителейъ земскихъ школъ губернія, которые ѣздятъ въ училища, находящаяся въ деревняхъ («Сг. Вал.»).

Росс. 6-й Дек. 1903

Подъ редакціей Н. Д. Телешова въ Москвѣ выходитъ сборникъ подъ названіемъ «Друкаръ», весь доходъ съ котораго пойдетъ на устройство инвалиднаго дома для работниковъ печатнаго дѣла. Въ сборникѣ принимаютъ участіе выдающіяся литературныя силы: И. А. Бунинъ, описывающій въ беллетристической формѣ современную «Иудею», Н. Д. Телешовъ, написавшій для сборника разсказъ «Золотая осень», В. В. Вересневъ, въ критическомъ очеркѣ «Мнѣ отъщени» дающій новое освѣщеніе «Анны Карениной», Е. Н. Чириковъ, А. М. Фелоровъ, В. К. Звяпцевъ и др. Новинкой въ сборникѣ является стихотвореніе «Заря» Ф. И. Шаманила, пробующаго свои силы на литературномъ поприщѣ. Госудемъ книги будутъ «Афоризмы о жизни и смерти» Л. Н. Толстого, Н. Н. Златовратскихъ обшпаны «Воспоминанія». Предполагается помѣстить также нѣкоторыя изъ «Незданныхъ писемъ» А. П. Чехова.

Къ сборнику будутъ приложены портреты и факсимиле всѣхъ участвующихъ.

Въ Москвѣ 7-го Дек. 1903

ВЪ МОСКВѢ.

7-го декабря.

(По телефону отъ нашего корреспондента).

Дѣтскіе разсказы гр. С. А. Толстой.

На дняхъ выйдетъ въ свѣтъ сборникъ изъ 5-ти дѣтскихъ разсказовъ графини С. А. Толстой, подъ названіемъ «Куколки-скелетцы». Названіе и тема одного разсказа принадлежать самому Л. Н. Толстому. Разсказы эти имѣли большой успѣхъ у многочисленныхъ внуковъ Л. Н., которыхъ у него 24.

Въ Москвѣ 7-го Дек. 1903

Дурманъ проходитъ.

(Изъ записной книжки.)

Передо мною весьма характерное письмо одного юного питомца московскаго университета, отражающее до известной степени нынѣшнее литературное настроеніе наиболѣе культурной части учащейся молодежи:

«Чувствуется-ли въ Питерѣ огромная перемена въ настроеніяхъ и симпатіяхъ русской провинціи? По крайней мѣрѣ, въ Москвѣ эта перемена явилась: мода куда-то уплыла, хочется здороваго, человѣческаго, — и, въ результатъ, мы стали теперь опять читать, задумываться, плакать и смѣяться надъ Толстымъ, Достоевскимъ, Чеховымъ, Тургеневымъ... Въ частности, я сейчасъ слушаю до восторговъ, которыхъ раньше не могъ предполагать въ себѣ, дерюмоновскими «Тамань», «Княжна Мэри», «Бѣза» и т. д. Какая простота, сила, красота!...

Кажется, мы накануне прекраснаго событія: накинъ на литературу — узорчатая, тонкая, красивая — растаетъ, окинутъ великіе дѣла русской литературы съ ея дубами, печальными градионными березами, мякми, чистыми, материнскими лицами, и какой пойдетъ зѣсь — похъ вѣтными священными сводами этого дѣла — весенній раз-

буженный гулъ, какаа будетъ радость, какія пѣсни! Чувствуется-ли это въ вашемъ холодномъ, чиновничьемъ Петербургѣ?»

Б. Б. 8-е Дек. 1909

О. О. Грузенбергъ въ заключеніи своей образной рѣчи цитируетъ Л. Н. Толстого.

— Люди нашего времени, еще могутъ жить языческой жизнью, но оправдывать эту жизнь никто не можетъ и не смѣетъ.

Говорилъ еще проф. Чубинскій и совсѣмъ одиноко остался мѣтне военнаго юриста Шинзибовскаго, допускающаго «почтенную» защиту чести путемъ дуэли, которая должна быть объявлена «торжественною» и, конечно, серьезно...

Б. Б. 9-е Дек. 1909

Появленіе на кафедрѣ слѣдующаго оппонента Н. Н. Львова вызываетъ большое оживленіе въ публикѣ. Красивая, образная, горячо почувствованная рѣчь Н. Н. Львова составляетъ, несомнѣнно, центръ вчерашнихъ преній. Сильно волнуясь, Н. Н. Львовъ хочетъ подѣлиться глѣми ужасными впечатлѣніями, которыми онъ самъ вынестъ изъ участія во всѣмъ извѣстной дуэли и которыя привели его къ твердому убѣжденію, что дуэль есть страшное преступленіе, результатъ затмѣнія человѣческой совѣсти и сознанія. И тѣмъ болѣе отвратительна дуэль у насъ, гдѣ она отнюдь не представляетъ прочно установившагося обычая, а исключительно — прививается закономъ.

Послѣ перерыва въ оппоненты составивались преимущественно на юридической сторонѣ вопроса. Проф. А. А. Жижиленко и О. О. Грузенбергъ доказывали, что проектъ докладчика оставлять ненаказуемымъ вызовъ на дуэль, принятіе вызова, составляетъ невольнаго наемъ секундантъ и потерпѣшаго дуэлянта, который выстрѣлъ не произведетъ. Поэтому проф. Жижиленко предлагаетъ соответствующія поправки, а О. О. Грузенбергъ предпочитаетъ постановленіе 481—488 ст. угод. уложенія, которое и надло ввести въ дѣйствіе, дополнивъ ихъ наказуемостью вызова на дуэль.

О. О. Грузенбергъ закончилъ свою рѣчь красивой цитатой изъ Л. Н. Толстого и былъ награжденъ продолжительными аплодисментами.

М. Я. Острогорскій, остававшаяся на парламентскихъ дуэляхъ, какъ на самомъ яркомъ проявленіи отрицанія государственности, предлагаетъ дополнить ст. 10 пол. о Думѣ лашеніемъ дуэлянта права на званіе члена Думы.

Рече 9-е Дек. 1909

Въ Народномъ домѣ 11-го декабря идетъ въ первый разъ «Анна Каренина» въ переводѣ Г. Полилова и г. Миньвицъ.

Пьеса поставлена по макетамъ парижскаго театра «Антуанъ», режиссеромъ г. Мирскимъ.

Для воспроизведенія иллюзіи приближающагося поѣзда, полъ сцены нарочно проложены рельсы, по которымъ посредствомъ электрической тяги двигаются вагонетки съ каменнымъ углемъ. Во 2-мъ актѣ, въ сценѣ скачекъ, примѣненъ кинематографъ.

Главныя роли въ рукахъ г-жи Никитиной и г. Розенъ-Санна (чета Карениныхъ)

Б. Б. 10-е Дек. 1909

I.

Всякій, кому приходилось въ первый разъ отправиться въ Ясную Поляну, гдѣ родился, живетъ, пишетъ, работаетъ и гдѣ теперь, уединился, великій мыслитель Левъ Толстой, испытывалъ безотчетное чувство робости. И всякій, находясь уже въ Ясной Полянѣ, —этой Меккѣ всякаго литератора и журналиста, — испытывалъ потомъ, какъ та-
 етъ эта робость, уступая мѣсто спокой-
 ствію и теплomu чувству къ великому
 старцу, бодрому тѣломъ и ясному
 мыслю и духомъ.

«Общество дѣтелей періодической пе-
 чати» вошло въ соглашеніе съ «Акціо-
 нернымъ обществомъ Граммофонъ» для
 записи на граммофонныхъ пластинкахъ
 рѣчей и словъ выдающихся писателей,
 артистовъ и общественныхъ дѣтелей;
 явилась мысль составить музей изъ
 этихъ пластинокъ, въ которомъ сохра-
 нялись бы вѣчно настоящіе, живые
 слова тѣхъ, мысли которыхъ будили
 наши сердца. И, конечно, однимъ изъ
 первыхъ всѣмъ хотѣлось запечатлѣть
 слова патриарха русской литературы —
 Льва Николаевича Толстого.

Нѣсколько засѣданій совѣта общества,
 нѣсколько частныхъ собраній было по-
 священо этому важному вопросу. Сколь-
 ко пришлось переволюваться, пока во-
 прость этотъ не выяснилась въ благо-
 приятномъ смыслѣ.

Въ Ясную Поляну былъ посланъ гон-
 цомъ народный писатель, близке знако-
 мый Льву Николаевичу, С. Т. Семеновъ.
 Вѣсти отсюда были плохи. Еще до
 отъѣзда Семенова была получена теле-
 грамма съ извѣщеніемъ о недомоганіи
 Льва Николаевича. Все, казалось, скла-
 дывалось такъ, что Левъ Николаевичъ
 откажется.

И вдругъ, въ субботу, 17-го октября,
 изъ Ясной Поляны является Семеновъ
 и говорить:

Ворота усадьбы.

— Собирайтесь, васъ ждутъ. Левъ
 Николаевичъ согласился; онъ чувству-
 етъ себя бодро и вчера катался вер-
 хомъ.

Великій старецъ взглянулъ на дѣло
 иначе, чѣмъ смотрѣли наши несмѣшны.

Сборы были недолги, и со скорымъ по-
 ѣздомъ Курской дороги, захвативъ съ со-
 бою записывающій аппаратъ, отправи-
 лись: И. А. Вѣлюсовъ, А. Г. Михелесъ,
 инженеръ Максъ Гампе, фотографъ Н. С.
 Никольскій, его помощникъ Ренгардъ и
 И. И. Митропольскій.

II.

Въ седьмомъ часу вечера мы были на станціи «Ясная», откуда восемь верстъ до Ясной Поляны. Послѣ чуднаго, точно весенняго дня наступилъ дивный вечеръ.

Надъ ближнимъ лѣсомъ поднималась полная луна, на дворѣ станціи позвякивали бубенцами лошади, пахло землею и палыми листьями. Легко дышалось, а воображеніе рисовало вотъ тутъ сейчасъ же, за темными контурами лѣса, за силуэтами домовъ знакомыхъ съ дѣтства деревень «Войны и Мира» и «Анны Карениной».

Домъ, въ которомъ живетъ Л. Н. Толстой.

Насъ окружили ямщики, впрочемъ, безъ особенно назойливыхъ приставаній. Пяныкъ не было видно.

Наняли пять экипажей и двѣ тележки, нагнали багажъ и тронулись отъ станціи по шоссе.

Милко шуршать колесъ по мелкому песку, надъ нами холоднымъ блескомъ горитъ Большая Медвѣдица, гдѣ-то далеко-далеко лаютъ собаки.

Заговариваю съ ямщикомъ, молодымъ парнемъ. Веѣ ѣдущіе въ Ясную Поляну обязательно говорятъ съ ямщиками. Это принято.

— Знаешь Льва Николаевича?

— Это графа-то? Еще бы не знать! Видасемъ часто. Хорошій старичекъ. Возишь къ нему... Мнѣ-то больше не русскихъ приходилось возить, а вотъ этихъ нѣмцевъ или англичанъ какихъ, я ужъ не знаю...

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Видѣ вотъ, по нашему, старичекъ графъ и старичекъ... а по бумагамъ, сказываютъ, онъ большой человекъ выходитъ.

Вѣдь, въ верстѣ, маячитъ огонекъ среди темнаго контура лѣса. Ямщикъ ткнулъ въ ту сторону кнутовищемъ:

— Черткова имѣніе... Тоже хорошій господинъ, простой... Приѣдешь къ нему, онъ и поздоровается, и накормитъ, и поговоритъ... Помогать тоже...

Мы смотримъ на этотъ далекий огонекъ, грустно-привѣтливо мигающій въ сумракѣ, и мнѣ вспоминаются «Огоньки» Короленко.

...А все-таки, все-таки, впереди... огни!

Сворачиваемъ съ шоссе и по проселку въѣзжаемъ въ деревню «Ясная Поляна». За деревней чернѣютъ парки усадьбы. Въ деревнѣ въ окнахъ огни. Много каменныхъ построекъ, лагуэтъ нѣтъ; есть желѣзные крыши. Много мнѣ приходилось видѣть русскихъ деревень, но Ясная Поляна среди нихъ — рѣдкое и хорошее исключеніе.

Прѣѣзжаемъ деревню и останавливаемся у ея выѣзда около вѣсенняго дома, принадлежащаго бывшему дворовому Толстыхъ Василию Васильевичу Суворову. Усадьба Льва Николаевича отсюда совсѣмъ рядомъ. На крыльцо выходитъ старушка, привѣтливо здоровается съ нами и зоветъ въ горницу.

Въ горницѣ съ печки сѣлъ совсѣмъ дряхлый, чистенькій старичекъ; ему 84 года; постоянно жилъ въ Ясной Полянѣ и много могъ бы поразсказать о Львѣ Николаевичѣ, но память уже измѣнила ему.

— Старикъ на печку, на печку, — говорить онъ, поздоровавшись съ нами, и уходитъ въ свой темный уголокъ, въ которомъ догораютъ его незамѣтная жизнь.

И. А. Бѣлоусовъ отправляется въ усадьбу сначала одинъ, и вскорѣ слуга приноситъ отъ него записку: «Левъ Николаевичъ проситъ всѣхъ къ себѣ. Захватите аппаратъ».

III.

Длинная аллея вѣковыхъ деревьевъ мимо пруда ведетъ въ усадьбу отъ бѣлыхъ столбовъ въѣзда; ограды никакой нѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ холмовъ мы, обогнувъ террасу съ рѣзными вѣтушниками и «дереву бѣдныхъ», входимъ сквозь невысокую дверь въ небольшую и просто обставленную прихожую. Прямо дверь въ бібліотеку, надъѣво деревянная лѣстница наверхъ, во второй этажъ, гдѣ

Старый камердинеръ Л. Н. Толстого — Суворовъ.

помѣщаются жилыя комнаты и кабинеты Льва Николаевича. Тутъ же въ прихожей стеклянный шкапъ съ книгами.

Большая бібліотека Льва Николаевича, больше шести тысячъ томовъ, среди которыхъ есть много чрезвычайно рѣдкихъ изданій по религиознымъ вопросамъ на всѣхъ языкахъ, помѣщается въ другомъ флигелѣ, въ которомъ теперь никто не живетъ.

Настъ встрѣчаетъ домашній докторъ Льва Николаевича и вмѣстѣ секретарь Душанъ Петровичъ Маковецкій, невысо-

кий блондинъ съ большими грустными добрыми глазами. Преданъ Льву Николаевичу и его семьѣ беззаветно. Ясную Поляну не покинетъ никогда. Надобно сказать, какъ онъ со своимъ славянскимъ акцентомъ выговариваетъ:

— Въ Ясной Полянѣ фруктовый садъ — второй по величинѣ во всей Европѣ! Это звучитъ у него горло. Или съ нѣжной заботливостью, какъ у старой няни:

— У графини Софьи Андреевны жаръ. Нужно посмотрѣть, какова у нея температура... А потомъ загнать, какъ спитъ Левъ Николаевичъ.

Этотъ человекъ передъ нашимъ отъѣздомъ на другой день сказалъ Н. А. Бѣлоусову:

— Простите меня, если вчера я былъ съ вами недостаточно предупредителенъ: у Софьи Андреевны болѣла нога и былъ жаръ.

Наканунъ онъ былъ съ нами сама предупредительность и готовность безропотно исполнить все наши желанія, желанія чужихъ людей, вторгнувшихся въ домъ, да еще собирающихся заладить часами отдыха Льва Николаевича.

Вскорѣ вышелъ сынъ Льва Николаевича Андрей Львовичъ, который живетъ въ Ясной Полянѣ вмѣстѣ съ женою и малолѣтней дочерью, и насъ пригласилъ наверхъ, въ столовую, гдѣ за чайнымъ столомъ была въ сборѣ вся семья Толстыхъ.

Мы въ той комнатѣ, гдѣ Левъ Николаевичъ отдыхаетъ по вечерамъ въ кругу своихъ родныхъ, гдѣ онъ читаетъ домашнимъ и приглашеннымъ отрывки изъ своихъ новыхъ произведеній,—тамъ, гдѣ онъ у себя...

Большая свѣтлая комната съ бѣлыми стѣнами, украшенными фамильными портретами, портретами самого Льва Николаевича, Софьи Андреевны и ихъ покойной дочери. Обстановка самая простая: просто венскіе стулья, роль у негладкой стѣны, этажерка съ книгами, кресло Льва Николаевича, столъ съ разложенными на немъ новыми журналами, въ углу бюстъ Льва Николаевича работы Трубецкого, нѣсколько мягкихъ стульевъ, посрединѣ комнаты обѣденный столъ, — вотъ и все.

Бодрой, легкой походкой, держась прямо и лишь слегка сутулился въ плечахъ, вышелъ къ намъ Левъ Николаевичъ и Софья Андреевна. Левъ Николаевичъ привѣтливо поздоровался со всеми и присѣлъ къ столу, высказавъ желаніе прослушать привезенный А. Г. Михелесомъ граммофонный аппаратъ.

Такой добротой вѣяло отъ этого старика, такимъ простымъ и ласковымъ казался онъ въ своей черной блузѣ, поглядывая на насъ глазами, не утратившими, несмотря на восемьдесятъ первый годъ, юношеской свѣжести.

На аппаратъ поставили нѣсколько пластинокъ изъ нѣсколькихъ, аранжированныхъ Гартвельдомъ. Пѣсни не понравились Льву Николаевичу. Прослушать «Кандальный маршъ», сочиненный матросами съ «Потемкина», онъ сказалъ:

— Не хорошо... Ухарство вовсе не отличительная черта русскаго характера.

Но совершенно обратное впечатлѣніе произвели пластинки въ исполненіи солиста на балалайкѣ Трояновскаго.

— Прекрасно, очень хорошо,—сказалъ Левъ Николаевичъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ Бѣлоусову.

— Ну, а теперь пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ,—обратился Левъ Николаевичъ къ А. Г. Михелесу,—я вамъ прочту то, что приготовилъ на завтра, и покажу, какъ вышли мои записи на фонографъ Эдисона.

Онъ легко поднялся, не опираясь рука-

ми о ручки кресла, как делают это старики, и вышел из столовой в сопровождении А. Г. Михелеса.

В его отсутствие Софья Андреевна сообщила мне, что Лев Николаевич чувствует себя теперь хорошо, но от перенесенных волнений чувствовал вначале, после приезда, легкое недомогание. Два раза были полубоморочные состояния.

— Я до сих пор живо помню, как нас провожали на Курском вокзале в

— Этого, собственно, мы и хотим достигнуть, — ответить А. Г. Михелес, — вступив в соглашение с «Обществом друзей печати»... Нами уже записаны: Вересаев, Бунин, Федотов, Златовратский, Ермолов, С. председатель 1-й Государственной Думы Муромцев, Юнгис (кн. Сумбатов) и другие.

— Я вам дам свой сборник «На каждый день», — прервал его Лев Николаевич, — и отпущу так же наиболее популярный мѣста. Советую вам ими воспользоваться для записи на пластинках.

На другой день он действительно передал А. Г. Михелесу этот сборник с собственноручными пометками.

В половине двенадцатого ночи Лев Николаевич встал. Горничная со всеми и прежней бодрой походкой вышел к себе.

IV.

Проснулись мы на другой день рано, до солнечного восхода.

Мы оделись и вышли в сад. На траве лежал иней, пруды застыли, в прозрачно-синеватом воздухе развѣста стояла торжественная тишина.

Неподвижными стояли деревья, окружая бѣлый домъ, такой же тихий и такой же свѣтлый, как были неподвижны и были от инея деревья.

Вдруг их верхушки зарозовѣли, и неожиданно, словно выравнившись изъ нѣтъна, на небо выкатилось солнце.

Ясный развѣтъ для въ Ясной Поляне.

Два собачки лайки, с которыми Лев Николаевич всегда совершает прогулки — «Вѣлка» и ее сын «Пушок», вернулись возле меня и увязались за мною в сад, как вдруг за мною раздался свист, знавший собак, и на дорожку отъ дома показался Лев Николаевич. Он был въ ватном пальто, глубоких галошах и простой шапке.

Собачки сразу бросились к нему. — Съ вами пошли, а меня все-таки не промѣняютъ на васъ, — улыбнулся Лев Николаевич, здороваясь со мною, и бодрой походкой зашагалъ между деревьями.

Вскорѣ началась запись голоса Льва Николаевича въ библіотекѣ, гдѣ все уже было приготовлено къ этому времени.

Въ библіотеку вошли только Лев Николаевич, инженеръ М. Гамис и А. Г. Михелесъ.

Оказалось, что Лев Николаевич предполагалъ за ночь и пожелалъ записать на пластинкахъ не то, о чемъ вчера говорилъ А. Г. Михелесъ, остановившись исключительно на своихъ «Мысляхъ на каждый день» и «Кругѣ чтенія». Но его записей было произведено пять: двѣ на русскомъ языкѣ («Мысли изъ книги на каждый день»); одна на французскомъ («Qu'est ce que c'est la religion»); одна на английскомъ («Thoughts from the book «For every day»); и одна на нѣмецкомъ («Gedanken aus dem Buche für alle Tage»).

Наша миссія была закончена. Желая дать отдыхъ послѣ нашего нашествия, какъ Льву Николаевичу, такъ и радужнымъ хозяевамъ, мы, благодаривъ Льва Николаевича отъ имени «Общества друзей періодической печати» и простившись съ Александрой Львовной и докторомъ Маковенкинымъ, тронулись въ обратный путь, на всю жизнь унося съ собою воспоминанія о Ясной Полянѣ.

Меліе Станіславъ

Москвѣ, — сказала она. — Льва Николаевича очень тронули эти проводы. Во всей этой толпѣ сквозило такое единство, такая радость, что они видятъ Льва Николаевича...

Наша бесѣда была прервана появленіемъ Льва Николаевича, пожелавшаго вновь прослушать граммофонъ.

Снова были сыграны нѣсколько пластинокъ Трояновскаго и поставленъ веселый анекдотъ о генералѣ подъ названіемъ «Игра словъ».

Лев Николаевич добродушно улыбнулся веселому рассказчику.

Собаки Л. Н. Толстого, сопровождающія его на прогулкахъ.

А. Г. Михелесъ передалъ Льву Николаевичу о напечатаніи «Акціонернаго общества Граммофонъ» выпустить пластинки специально для школы и народа, и Лев Николаевич горячо откликнулся на эту мысль.

— Давайте народу полезныя развлеченія, давайте ему на вашихъ пластинкахъ въ популярномъ изложеніи мысли и со вѣты хорошихъ писателей, — сказалъ онъ, — и ваша пластинка принесетъ такую же пользу, какъ и книга.

День рождения Златовратского.

Завтра группа писателей поднесит Златовратскому по случаю дня его рождения альбомъ съ портретами Л. Н. Толстого, В. Короленко, Ив. Бунина, Засодимского и друг.

В. Б. 14 = Дек. 1909

Къ учителю жизни.

(Корреспонденція «Бирж. Вѣдомостей»).

Проживающій въ г. Саратовѣ молодой человекъ, крестьянинъ А. М. Козыревъ, самоучкой выучившійся рисовать, недавно написалъ чрезвычайно удачный портретъ Л. Н. Толстого. Ободренный отзывами о портретѣ въكتورныхъ своихъ заказчиковъ, индѣйскихъ Льва Николаевича лично, г. Козыревъ рѣшился отправить портретъ Л. Н. въ подарокъ, при письмѣ, въ которомъ, описавъ свою жизнь и высказавъ желаніе снова вернуться въ деревню, проситъ Льва Николаевича разрѣшить ему давно мучившіе его вопросы: «какъ надо жить, чтобъ быть полезнымъ въ деревнѣ, и какъ надо самому нравственно совершенствоваться?»

Въ отвѣтъ на это письмо Козыревъ получилъ отъ Льва Николаевича пять книгъ: три книги «чтенія на каждый день» (іюнь, іюль и августъ м.), «Въ чемъ моя вѣра» и «Изъясненіе Евангелія» и письмо слѣдующаго содержанія:

«Посылаю вамъ нѣсколько книгъ. Въ этихъ книгахъ найдете руководство въ жизни для человека вообще, и потому думаю, что для руководства въ жизни человека, избраннаго наилучшую форму жизни — земледѣльческую — онъ тѣмъ болѣе будетъ годиться.

Благодарю за портретъ и желаю отъ всей души вамъ успѣха въ главномъ дѣлѣ жизни: нравственномъ совершенствованіи. Левъ Толстой».

Саратовъ.

В. Б.

В. Б. 14 = Дек. 1909

Вечернія извѣстія.

Болѣзнь Л. Н. Толстого.

(По телеграфу отъ нашего корреспондента).

ТУЛА, 14 декабря.

Вчера Л. Н. Толстой, возвратившись съ прогулки, тяжело заболѣлъ. Температура 40. Врачи предполагаютъ инфлюэнцу.

(По телефону изъ Москвы).

Получивъ вчера ночью тревожныя извѣстія о состояніи здоровья Льва Николаевича, мы спешили по телефону съ Москвой и, между прочимъ, получили отъ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“ слѣдующія свѣдѣнія:

13 декабря Л. Н. совершилъ прогулку въ Овсѣяниково и благополучно вернулся домой, въ Ясную Поляну.

Сидя въ креслѣ, въ кругу близкихъ, Л. Н. неожиданно почувствовалъ ознобъ. Когда окружающіе его встревожились и прислаивъ его лечь въ постель, Л. Н. отказывался, но вскорѣ у него появился жаръ, и онъ уже не могъ самъ dojти до кровати.

Вскорѣ температура у Л. Н. достигла 40 град. Кромѣ домашняго врача, былъ вызванъ врачъ изъ Тулы, и послана телеграмма находящейся въ Москвѣ графинѣ Софьѣ Андреевнѣ.

14 декабря графиня выѣхала въ Ясную Поляну, вмѣстѣ съ двумя московскими врачами.

По полученнымъ вечеромъ, 14 декабря, изъ Ясной извѣстіямъ, состояніе Л. Н. улучшилось. Температура понизилась до 37,4°.

Л. Н. лежитъ въ постели, обложенный компрессами.

Болѣзнь Л. Н. не установлена.

Ранъ 15-го Дек. 1900

НОВГОРОДЪ, 14 декабря.

Арестованъ извѣстный толстовецъ Молочиновъ. При обыскѣ у него забрали 28 собственноручныхъ писемъ Толстого, адресованныхъ Молочникову.

Ранъ 15-го Дек. 1900

Болѣзнь Л. Н. Толстого.

ТУЛА, 14-го декабря. Изъ Ясной Поляны ночью получена слѣдующая телеграмма: «Послѣднюю ночь температура у Л. Н. спада. Врачи нашла инфлюэнцу. Пріѣхала С. А. съ врачами Куровскимъ и Никитинымъ». («Русск. Сл.»).

ТУЛА, 14-го декабря. Получено извѣстіе, что 13 декабря Левъ Николаевичъ совершилъ верхомъ обычную прогулку въ Овсѣяниково. Вернувшись домой, онъ пообедалъ и сѣлъ въ кресло читать, какъ вдругъ съ нимъ случился страшный ознобъ. Предложеніе окружающимъ лечь въ постель, Левъ Николаевичъ отклонилъ. Когда же съ нимъ начался жаръ, сдѣлать это самъ онъ уже не могъ. Ночью температура достигла 40,4°. Въ помощь домашнему врачу, приглашенъ врачъ изъ Тулы. Общее состояніе больного все время хорошее, и, несмотря на жаръ, онъ находился въ полномъ сознаніи. О случившемся по телеграфу было сообщено находящейся въ Москвѣ С. А. («Рус. Вѣд.»).

ТУЛА, 14-го декабря. Со скорымъ поѣздомъ въ Ясную Поляну вернулась С. А. вмѣстѣ съ врачами Куровскимъ и Никитинымъ. Состояніе Л. Н., въ общемъ, хорошее. Температура упала до 37,4°. Больной обложенъ компрессами. Болѣзнь пока не опредѣлена. («Рус. Вѣд.»).

Ранъ 15-го Дек.

Вѣнская «Arbeiter Zeitung» помѣщаетъ дѣлкомъ статью Толстого, которую онъ долженъ былъ читать на конгрессѣ «Миръ» въ Стокгольмѣ.

Ранъ 16-го Дек. 1900

Сиб. Город. Попечит. о народн. трезв.
НАРОДНЫЙ ДОМЪ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.
 Сегодня, 16 декабря,
„АННА КАРЕНИНА“,
 драма по роману Л. Н. Толстого.
 Въ залѣ концертъ симфоническаго оркестра
 подъ упр. В. Г. Зеленаго.
 Дивертиссментъ. Живая фотографія.

Б. В. 16-го Дек. 1909

Болѣзнь Л. Н. Толстого.
 (По телефону изъ Москвы отъ нашего корр.).
 15 декабря.
 ТУЛА. Изъ Ясной Поляны ночью полу-
 чена слѣдующая телеграмма: „Послѣднюю
 ночь температура у Л. Н. спала. Врачи
 нашли инфлюэнцу. Приѣхала С. А. съ вра-
 чами Кюровскимъ и Пикетинымъ“.
 („Русск. Ст.“).
 ТУЛА. Температура упала до 37,4.
 Большой обложенъ компрессами. Болѣзнь
 пока не опредѣлена. („Русск. Вѣд.“).

Известия-Копилка. 16-го Дек. 1909

Вечернія извѣстія.

Болѣзнь Л. Н. Толстого.

(По телеграфу отъ нашего корреспондента).

ТУЛА, 15 декабря.

Здоровье Толстого улучшается, беспокоят легкій бронхитъ и боли въ печени. Толстой не перестаетъ интересоваться общественной жизнью. Прибывшаго съ дворянскаго собрания сына Андрея онъ много спрашивалъ о дворянскихъ выборахъ въ Тулу.

(По телеграфу отъ нашего московскаго корреспондента).

15 декабря, послѣ 11 час. вечера, получены изъ Ясной Поляны слѣдующія свѣдѣнія о состояніи здоровья Л. Н. Толстого.

Послѣ того, какъ съ больного были сняты компрессы, профессора констатировали повышенную чувствительность печени и довольно сильный бронхитъ. Температура сегодня къ вечеру упала до 36,5. Самочувствіе хорошее.

Расс 16-го Дек. 1903

Болѣзнь Л. Н. Толстого.

(По телефону изъ Москвы отъ нашего корр.).

16 декабря.

Изъ Ясной Поляны сообщаютъ, что профессора констатировали у Л. Н. Толстого повышенную чувствительность печени и довольно сильный бронхитъ. Температура сегодня къ вечеру упала до 36,5. Самочувствіе больного хорошее.

Телеграмма корреспондента 17-го Дек. 1903

Вѣсти о Л. Н. Толстомъ.

Намъ сообщаютъ, что въ послѣднихъ числахъ ноября изъ Ясной Поляны писали, что Л. Н. Толстой усердно перерабатываетъ введеніе къ своей книгѣ „На каждый день“ (еще не обнародованное), а также и самую книгу. Такъ какъ т-во И. Д. Сытина отказалось продолжать печатаніе этой книги, въ виду недавней конфискаціи, то съ января „На каждый день“ будетъ издаваться дочерью Л. Н. Александрой Львовной, причемъ изданіе будетъ раздѣлено на выпуски—по одному на каждый мѣсяць.

Самъ Л. Н. 23 ноября писалъ В. Молочникову.

„Слава Богу, такъ занятъ, что почти все время занято, и занято дѣлами, въ которыхъ могу проявлять любовь. Непрестанно благодарю за незаслуженное благо. Помогай вамъ Богъ въ вашихъ испытаніяхъ; жизнь всегда испытаніе“.

Къ аресту толстовца В. Молочникова.

Какъ извѣстно нашимъ читателямъ изъ телеграммъ, въ ночь на 9 ноября въ Новгородѣ у толстовца В. Молочникова произведенъ обыскъ, причемъ забраны библіотека, письма и разныя рукописи. Между прочимъ, у В. Молочникова взяты 28 подлинныхъ писемъ Л. Н. Толстого и еще неиспользованные въ печати матеріалы съ изложженіемъ содержанія дѣлага рада бесѣдъ съ Л. Н. Толстымъ.

В. Молочниковъ только въ апрѣлѣ т. г. вышелъ изъ тюрьмы, гдѣ отбывалъ заключеніе по приговору сиб. судебной палаты за распространеніе произведеній Л. Н.

Первоначальное извѣстіе объ арестѣ В. Молочникова—нѣвѣрно.

Расс 17-го Дек. 1903

Въ Новгородѣ арестованъ извѣстный толстовецъ Молочниковъ. При обыскѣ забраны адресованные ему 28 собственноручныхъ писемъ Л. Н. Толстого.

Б.Б. 17-го Дек. 1903

Л. Н. Толстой о народѣ и интеллигенціи.

Молодой поэтъ, крестьянинъ Пименъ Карповъ (стихи его, между прочимъ, — въ №№ 10 и 12 «Новаго Слова»), живя вмѣстѣ съ крестьянами и занимаясь земледѣльствомъ въ лѣтнее время, написалъ книгу, отражающую заветныя думы народа, подъ названіемъ: «Говоръ зорь. Страницы о народѣ и интеллигенціи». Изданную книгу Пименъ Карповъ послалъ Льву Николаевичу Толстому, прося великаго писателя высказать о ней свое мнѣніе. Въ отвѣтъ Л. Н. прислалъ письмо, въ которомъ высказываетъ свой взглядъ по затронутому въ книгѣ вопросу.

Приводимъ это письмо полностью:

«Получилъ вчера ваше письмо, а нынче вашу книгу, и прочелъ и то, и другое съ большимъ удовольствіемъ.

Книга ваша мнѣ понравилась своей смѣлостью мысли и ея выраженіемъ. Для того, чтобы высказывать горькія истины «образованнымъ», нужно въ наше время гораздо больше смѣлости, чѣмъ для того, чтобы высказывать ихъ правительству. Въ особенности же понравилось мнѣ въ вашей книгѣ то великое значеніе и та великая будущность, которыя вы видите въ настоящемъ деревенскомъ крестьянствѣ.

Помогай вамъ Богъ промолжать ту жизнь, которую вы ведете, отдавая большую долю силъ на деревенскій земельный трудъ и досугъ на писаніе, къ которому вы очень способны.

Сколько вамъ лѣтъ, женаты-ли вы?

Любящій васъ братъ Левъ Толстой».

5.8. 17 Dec. 1909

Въ началѣ текущаго десятилѣтія, группа лицъ въ Москвѣ, принадлежавшихъ болѣею частью къ политическому кружку «Бесѣды», заявлявъ сношенія къ представителямъ общества мира въ Западной Европѣ, выработала уставъ такого же русскаго общества. Инициаторы общества поручили мнѣ выложить у министра внутреннихъ дѣлъ утвержденіе устава. Подаю я министру проектъ устава и объясняю, въ чемъ дѣло. Онъ меня спрашиваетъ: «Вы серьезно говорите объ обществѣ мира?» Отвѣчаю, что говорю совершенно серьезно и убѣжденно. Онъ возвращаетъ мнѣ обратно рукопись и, улыбаясь, говоритъ: «Давайте лучше говорить о другихъ важнѣхъ дѣлахъ». Вотъ и все, съ тѣмъ я и приѣхалъ къ моимъ товарищамъ въ Москву. А вѣдь это было искорѣ послѣ призыва Государя къ международному миру.

Между тѣмъ, представитель того же министерства уже въ 1898 г. за границей разсмыслился въ похвалахъ цѣли и дѣятельности лигъ мира въ разворѣ съ представителями этихъ лигъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Муравьевъ, въ баронессы Сутковой выразилъ свое сочувствіе дѣятельности лигъ мира, и въ особенности остановился на необходимости поддержки печати въ вопросѣ о мирѣ («Neue Freie Presse» 13 окт. 1898 г.). Вновь возбужденъ вопросъ объ учрежденіи общества мира въ августѣ 1908 г., когда праздновалось восьмидесятилѣтіе со дня рожденія великаго борца за миръ Л. Н. Толстого и должно было бы праздноваться десятилѣтіе со дня опубликованія призыва Государя къ международному миру (15 августа 1898 г.). Войне десяти лѣтъ тому назадъ прозвучалъ по Россіи великодушный призывъ Государя къ международному миру, не вызвавъ въ странѣ достойнаго отзыва, встрѣчая на своемъ пути скептицизмъ, малодушіе, рутину.

Лиги общества мира существуютъ во всѣхъ странахъ свѣта и во всѣхъ, кажется, государствахъ Европы, кромѣ Турціи, но, вѣроятно, въ конституціонной Турціи такое общество скоро возникнетъ. Русское государство, монархъ котораго создалъ всѣхъ другихъ государствъ на мирную конференцію, оставалось до этого года безъ общества, занимающагося цѣлью приобщенія народа къ великой идее всеобщаго мира. Таковы печальные парадоксы русской дѣятельности. У насъ преслѣдовались не только политическія, но и гуманитарныя идеи, и нельзя винить русское общество, что оно запаздало съ учрежденіемъ общества мира. Препятствія были главнѣе, а русское общество и его выдающіеся дѣятели и писатели, съ Л. Н. Толстымъ во главѣ, давно культивировали и пропагандировали идею мира. Насколько мнѣ извѣстно, общество мира уже открыто въ Варшавѣ, а въ текущемъ году возникло въ Кіевѣ «О-во друзей мира». Наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ, удалось и въ Москвѣ открыть наше о-во. Кромѣ петербургскаго отдѣла, открылся отдѣлъ о-ва и въ Ревелѣ. Цѣль о-ва, какъ это видно изъ его устава, «разработка и популяризація основъ международного права и распространѣніе въ обществѣ правыхъ понятій о международномъ мирѣ, о третейскомъ судѣ и международныхъ конференціяхъ мира. Для достиженія этой цѣли, общество, путемъ печати и живого слова, знакомитъ публику съ фактами сближенія народовъ на научномъ, экономическомъ, литературномъ и благотворительномъ поприщахъ». По утвержденію и этого устава удалось добиться не только, сначала московское присутствіе въ регистраціи. Изъ переговоровъ съ членами присутствія выяснилось, что они смущались двумя выраженіями устава, которыя утѣдители общества сочли возможнымъ выкинуть, и подавъ новое прошеніе, добились, наконецъ, утвержденія устава. Во-первыхъ, при пересмотрѣ задачъ о-ва пришлось исключить распространѣніе идеи мирнаго разрѣшенія международныхъ конфликтовъ, такъ какъ такое выраженіе яко бы указывало на наше намереніе вмѣшиваться въ такіе конфликты. Хотя это выраженіе изъ устава и исключено, но, какъ показывается само названіе о-ва, его конечной задачей есть именно стремленіе къ мирному разрѣшенію международныхъ конфликтовъ, но, разумѣется, не путемъ активнаго вме-

шательства, а путемъ приобщенія общества и массъ народныхъ къ идее всеобщаго мира. Затѣмъ пришлось при пересмотрѣ лигъ сближенія между собой русскимъ сближенію. Разумѣется, мы все же доводъ выкинуть упоминаніе о политическомъ сближеніи народовъ. Да и другіе способы сближенія, о которыхъ говорится въ этомъ жѣ уставѣ, сближеніе на экономическомъ, научномъ и литературномъ, по-примѣху, нѣмѣтъ косвенно огромное влияние и на политическое сближеніе народовъ. Для чисто политическаго сближенія народовъ существуетъ, кромѣ того, междупарламентская организація, въ которой принимаютъ теперь участіе и члены Гос. Думы. Этимъ лѣтмомъ, когда уставъ уже былъ утвержденъ, но о-во еще не конституировалось, должна была состояться международная конференція въ Стокгольмѣ представителями о-въ мира, но въ послѣднюю минуту, изъ-за заботности, она была отложена до будущаго года. Я, какъ одинъ изъ уредителей московскаго о-ва, былъ принятъ въ члены конференціи, долженъ былъ, лично принять участіе въ ней и послать уже въ Стокгольмъ свой докладъ, въ которомъ я объяснялъ причины столъ послѣдняго возникновенія въ Россіи о-ва мира. Въ концѣ доклада я выразилъ пожеланіе и просьбу перенести конференцію, чтобы сѣзидущая конференція была созвана въ Москвѣ и тѣмъ былъ бы данъ толчокъ къ развитію о-въ мира въ Россіи и къ пропагандѣ въ нашей странѣ идеи всеобщаго мира. Если петербургское отдѣленіе о-ва согласится относительно желательности созыва будущей международной конференціи въ Москвѣ, то оно должно дать соотвѣтствующее порученіе своимъ делегатамъ, которые пошлютъ въ Стокгольмъ на конференцію.

Покончивъ съ исторіей учрежденія о-ва, перейду къ его задачамъ. Къ стѣлу человечества, но призывы могучихъ монарховъ, не вѣщаны такихъ мыслителей, какъ Толстой, не христианско-гуманитарныя идеи скажутъ, вѣроятно, послѣднее слово въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ, а окончательно разрѣшать его точныя науки, чистая и прикладная математика, механика, физика и химія. Техника и новыя изобрѣтенія идутъ такими быстрыми шагами впередъ, что сдѣлать войну въ скоромъ времени невозможной.

Рига 18-го Дек. 1903

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

(По телефону отъ нашего корреспондента).

17 декабря.

Состояніе здоровья Л. Н. Толстого.

Со словъ лица, приѣхавшаго сегодня изъ Ясной Поляны, сообщаетъ, что здоровье Л. Н. Толстого вполне удовлетворительно. Чувствуетъ себя Л. Н. хорошо.

Рига 18-го Дек. 1903

О болѣзни Л. Н. Толстого.

(По телефону съ нашего корреспондента).

МОСКВА, 18-го декабря.

Д-ръ Никитинъ о болѣзни Л. Н. сказалъ сотруднику «Русск. Сл.»: «Онъ нѣсколько дней чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Его старая болѣзнь печени стала обостряться. Однако, нездоровье не было настолько сильно, чтобы могло мѣшать ему работать. Подъ влияніемъ простуды былъ данъ толчекъ къ выпышки и повышенію температуры до 40,4 град. На вопросъ корреспондента, правда-ли, что Л. Н. интересуется дворянскими выборами, Л. Н. отвѣтилъ отрицательно: «Мало-ли что пишутъ, — сказалъ онъ. — Вотъ мнѣ прислали недавно выдержки изъ «Русскаго Знамени», гдѣ говорится о томъ, что я виновникъ матеріалистическаго направленія нашей молодежи. Не удивительно если напишутъ, напримѣръ, что я занимаюсь ростовщичествомъ».

«Я читаю очень интересную книгу, — сказалъ Л. Н. — Это—книга о воспитаніи, изданная японскимъ правительствомъ въ патристическомъ духѣ. Тутъ же и русский переводъ ея, сдѣланный русскимъ священникомъ».

Графиня С. А. Толстая возвратилась въ Москву. Она, между прочимъ, привезла съ собой письма, телеграммы и привѣтствія, полученныя Л. Н. Толстымъ, для помѣщенія въ историческомъ музее.

Б.Б. 18-го дек. 1909

ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ.

Русское Слово
18-го Дек. 1902.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

— Три дня тому назадъ мы всё были страшно встревожены, — сказала мнѣ графиня Софья Андреевна въ Ясной Полянѣ, куда я прѣхалъ въ среду, 16-го декабря.

— Я была въ это время въ Москвѣ, — продолжала С. А. — Хлопотала по дѣламъ. Вдругъ ночью получаю изъ Ясной Поляны отъ дочери телеграмму, о томъ, что у Льва Николаевича сильный жаръ съ «потрясающимъ ознобомъ».

Перебегала я странно. Вылѣзть немедленно не представлялось возможнымъ — не было уже побѣдовъ, пришлось ждать утра.

Утромъ я получила вторую телеграмму — успокоительную: «Жаръ спалъ», — сообщалось въ ней. Тѣмъ не менѣе, передъ отъѣздомъ я заѣхала къ доктору Щуровскому, который всегда готовъ по первому зову Льва Николаевича выѣхать въ Ясную Поляну.

— Не воспаление ли легкихъ? — спросила я у доктора Щуровскаго.

По онъ, на основаніи второй телеграммы, успокоилъ меня и обѣщалъ, въ случаѣ надобности, немедленно прѣхать въ Ясную Поляну.

Побѣхалъ со мной докторъ Никитинъ, котораго Левъ Николаевичъ очень любитъ и слушается.

Докторъ Никитинъ нашелъ у Льва Николаевича простуду — гриппъ и плохое состояніе печени и желудка.

Температура къ нашему прѣбыванію вошла въ норму, но осталась сильная изжога, до того сильная, что иногда Левъ Николаевичъ стоналъ на весь домъ.

Ничего ему лучше.

Онъ поѣлъ немного овсянки, а утромъ даже работалъ — писалъ.

За послѣднее время Л. Н. были заняты двумя работами: исправленіемъ предисловія къ своему «Кругу чтеціи» и добавленіемъ къ вновь написанной «Статьи о наукѣ».

Подробности о томъ, какъ занемогъ Левъ Николаевичъ, рассказала его дочь Александра Львовна.

— Днемъ отецъ побѣхалъ кататься верхомъ. Пройхалъ къ одной знакомой старушкѣ, живущей за шесть верстъ отъ Ясной Поляны.

Тамъ мы съ нимъ встрѣтились и побѣхали обратно въ саняхъ. Отецъ все время былъ бодръ и разговаривалъ.

Около шести часовъ вечера онъ вышелъ въ столовую къ обѣду и говоритъ:

— Бѣтъ темно у насъ! Вѣрно, свѣчи плохого горятъ!..

И тутъ же добавилъ:

— Я ужасно озябъ! Должно-быть, въ комнатѣ не топятъ.

И, вотъ, послѣ обѣда у него начался страшный ознобъ.

Мы, конечно, сейчасъ стали давать всевозможныя домашнія средства, укрыли его, но онъ никакъ не могъ согрѣться.

Часовъ около восьми температура дошла до 40 градусовъ, а потомъ и больше — до 40,4°.

Домашній докторъ отца Д. П. Маковичъ предложилъ вызвать доктора Никитина, что мы и сдѣлали.

Какъ мы ни уговаривали отца, онъ ни за что не хотѣлъ лечь — все сидѣлъ въ креслѣ.

Тогда мы перенесли въ кабинетъ кровати и только послѣ долгихъ уговоровъ уложили его.

Изъ Москвы доктора можно было ждать только на слѣдующій день, поэтому моя подруга вызвала телеграммой изъ Тулы мѣстнаго доктора Сухинина, который и провезъ вмѣстѣ съ нами ночь у больного.

Несмотря на чрезвычайно сильный жаръ, отецъ былъ все время въ полной памяти.

Онъ все гналъ насъ спать, но, конечно, никто изъ домашнихъ не спалъ.

Къ утру жаръ сталъ спадать. Утромъ отецъ заставилъ меня прочесть ему вслухъ всѣ полученныя письма, на которыя изъ нихъ отвѣтилъ, а потомъ диктовалъ нѣкоторыя свои мысли.

Проведши эти тревожные дни въ Ясной Полянѣ докторъ Д. В. Никитинъ рассказалъ о болѣзни Льва Николаевича слѣдующее:

— Левъ Николаевичъ уже раньше, за нѣсколько дней до остраго повышенія температуры, чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо — его старая болѣзнь печени стала обостряться. Однако, недомоганіе не было настолько сильно, чтобы могло мѣшать ему работать. Но на-дняхъ, подъ вліяніемъ простуды (гриппа), былъ данъ толчокъ къ вспыхиванію, къ повышенію температуры, доходившей до 40,4.

Къ счастью, этотъ лихорадочный приступъ прошелъ, но оставилъ слабость и нѣкоторую вялость.

Хотя Левъ Николаевичъ и работаетъ сейчасъ, но это, конечно, не та работа, что прежде.

Осталась еще небольшая болѣзненность печени, сильная изжога, плохой аппетитъ и общее недомоганіе.

Н. смотря на все это, Левъ Николаевичъ работаетъ, и я боюсь очень, какъ бы это не вызвало переутомленія, но что дѣлать.

Трудно и невозможно, конечно, хотя бы временно воспрепятствовать работѣ чело-вѣку, весь смыслъ жизни котораго заключается въ работѣ!

— Я надѣюсь, — сказалъ въ заключеніе докторъ Никитинъ, — что все обойдется благополучно.

Во всякомъ случаѣ, теперь уже нельзя высказывать какихъ-либо особыхъ опасеній.

Докторъ просилъ меня отказаться отъ желанія поговорить со Львомъ Николаевичемъ, боясь, что разговоръ вызоветъ его, а всякое волненіе ему очень вредно.

Я готовъ былъ вполнѣ подчиниться предписанію доктора, но Левъ Николаевичъ самъ позвалъ меня къ себѣ.

Онъ сидѣлъ въ креслѣ, укрытый пледомъ, и читалъ.

— Я сейчасъ чувствую себя значительно лучше, — сказалъ Левъ Николаевичъ, — и потому могу поговорить. Что у васъ новаго?

И Левъ Николаевичъ живо интересовался всѣми послѣдними новостями.

Въ свою очередь я поболтовалъ, вѣрно ли сообщеніе одной изъ московскихъ газетъ изъ Тулы, будто Левъ Николаевича очень интересуютъ результаты происходившихъ въ Тулѣ дворянскихъ выборовъ.

Левъ Николаевичъ улыбнулся:

— Конечно. Я никогда не интересовался дѣлами благороднаго, въ кавычкахъ, дворянства. Мало ли чего не напишутъ! Вотъ мнѣ прислали печально фельетонъ изъ «Русскаго Знамени», гдѣ говорится о томъ, что я виновно материалистическаго направленія нашей молодежи! Это хорошо тѣмъ, что отсюда ясно, что въ газетахъ все могутъ написать...

Неудивительно, если напишутъ, напримеръ, что я занимаюсь ростовщичествомъ!

— Я читаю очень интересную книгу, — сказалъ Левъ Николаевичъ. — Это книга о воспитаніи, издана японскимъ правительствомъ, въ патристическомъ духѣ. Тутъ же и русскій переводъ ея, сдѣланный русскимъ священникомъ.

Помня слова доктора, я поспѣшилъ проститься со Львомъ Николаевичемъ.

С. СПИРО.

А вотъ другой фактъ «похода священника на учительницу», только еще накопившійся въ первоначальномъ фазисъ своего развитія.

Въ селѣхъ Вальмеракъ, спасскаго уѣзда, законоучитель земскаго училища — священникъ изъ сосѣдняго села Полянко — задумалъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ вести въ школѣ религиозныя собесѣдованія съ крестьянами. Было нѣсколько собесѣдованій. Все бы, быть можетъ, обстояло благополучно, если бы въ одну изъ бесѣдъ не подвернулась проповѣднику на языкъ учительница школы. Тутъ она дала полную волю своей фантазії и упрекала учительницу, что она «во все не учитъ дѣтей по Божественному, не занимается Закономъ Божіимъ, а только читаетъ побасенки какого-то тамъ Крылова (sic!), а то еще и Толстого» и проч. и проч.

Рис. 13. Док. 1303

Обогащение музея Л. Н. Толстого.

Вчера въ Москву прибыла граф. Софья Андреевна Толстая и сдала въ музей имени Толстого привезенныя съ собой письма, телеграммы и правительств., полученные за последнее время Львомъ Николаевичемъ.

Рига 19-го Дек. 1903

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

(По телефону отъ нашего корреспондента).

18 декабря.

Здоровье Л. Н. Толстого.

«Русск. Вѣд.» телеграфируютъ, что состояние здоровья Л. Н. значительно лучше. Температура уже нѣсколько дней нормальная. Сердце работаетъ хорошо. Боли въ печени стихли. Л. Н. всталъ съ постели и приступилъ къ обычной работѣ, хотя чувствуетъ нѣкоторую слабость.

Рига 19-го Дек. 1903

Сказки современныхъ русскихъ писателей (для средняго возраста). Собрала Клавдія Лукашевичъ. Т. I 272 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ сборникѣ собрано тридцать напечатанныхъ уже одновременно произведеній весьма различнаго достоинства. Наряду съ именами Льва Толстого, Кота Мурлыки, Авенариуса встрѣчаются имена и менѣе извѣстныя и совсѣмъ неизвѣстныя. Въ общемъ книга оставляетъ выгодное впечатлѣніе. Она весьма недурно иллюстрирована и очень тщательно издана. Неизвѣстно только зачѣмъ предисловіе посвящено выисненію воспитательнаго значенія сказки. Такъ какъ книга предназначена для дѣтей, то такой анализъ можетъ, очевидно, только мѣшать этому воспитательному значенію.

Благая цѣль изданія—въ пользу кассы взаимопомощи литераторовъ—заставляетъ пожелать ему отъ всей души самаго широкаго распространенія.

Рига 21-го Дек. 1903

ИЗЪ ЖИЗНИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Выходить 2 й выпускъ взяпнаго изданія „Жизнь и творчество Л. Н. Толстого“ (изд. Сойкина), редактируемаго А. Волынскимъ.

Многіе факты изъ жизни Л. Н. записаны по воспоминаніямъ гр. М. Н. Толстой и снабжены личными указаніями гр. С. А. Толстой и самого Л. Н.

Вотъ, напримѣръ, страничка изъ жизни великаго писателя, сообщенная гр. М. Н. Толстой:

„Жизнь во время университетскихъ вакацій въ Ясной Полянѣ, Левъ Николаевичъ одно лѣто совершенно отбѣнился отъ свѣтскаго этикета и „comme il faut“. Онъ считалъ себя какой-то парусинный балахонъ, ходилъ на босу ногу въ какихъ-то туфляхъ и, вообще, проявлялъ нѣсколько равнодушіе къ своей вѣншности. Любимымъ его занятіемъ въ то время было лежать гдѣ-нибудь въ саду, подъ кустомъ, подложивъ подъ голову старыя лениконны. Даже присутствіе въ Ясной Полянѣ гостей не могло заставить Толстого измѣнить этой привычкѣ. Однажды былъ такой случай. Приѣхали какія-то барышни. Общество собралось въ гостиной. Левъ Николаевичъ, по обыкновенію, лежалъ или бродилъ гдѣ-то въ саду. Его хватились и послали за нимъ. И вотъ онъ пришелъ въ гостиную въ своемъ балахонѣ и въ туфляхъ на босу ногу.

Когда же его тетюшка, жившая съ нимъ, стала выговаривать ему за тотъ непривычный видъ, въ которомъ онъ явился, Левъ Николаевичъ весьма убѣдительно и совершенно серьезно, съ нѣкоторымъ даже раздраженіемъ, началъ ей возражать, доказывая всю условность „всякихъ приличій“, не только не конфузясь при этомъ своего страннаго вида, но даже бравуря имъ“. Въ это время, — пишетъ гр. С. А. Толстая, — Левъ Николаевичъ старался быть похожимъ на Диогена, какъ онъ это самъ рассказывалъ“.

Рига 21-го Дек. 1903

Печать

Сочиненія Толстого передъ судомъ. 12-го января въ спб. окружномъ судѣ будетъ слушаться дѣло по обвиненію издателя сочиненій Толстого Герцика по 73 и 74 ст. ст. угол. улож. Герцику инкриминируется статья Толстого «Церковь и государство», въ которой усмотрѣны были богохульство и кощунство. Защищаютъ прис. пов. Андрониковъ и Волынский. Дѣло представляетъ особенный интересъ потому, что слушаться оно будетъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Б. Б. 22-го Дек. 1903

Но съ марковцами трудно бороться въ одиночку. Вездѣ у нихъ «свои человечки».

Скоро городскіе выборы, и марковцы обратили «особенное вниманіе» на городскихъ дѣателей. А это на ихъ языкѣ значитъ — произвести рядъ обысковъ.

Быль произведенъ обыскъ у городского головы А. В. Михеева. Это — купецъ консервативныхъ убѣждений, богобоязненный — молится часами. Но порочный, и потому не совѣстный.

Выждали время, когда его не было дома. Перепугали мирную, патриархальную купеческую семью. Нашли среди дѣтскихъ игрушекъ нѣсколько пятачковыхъ книжекъ Л. Н. Толстого, изданія «Посредника».

— Ага! Толстовцы.

Тутъ же подобрали лапоть, — издѣліе сына головы.

— Толстой и лапти — это уже всѣмъ подозрительно!

Приобщили, кстати, къ дѣлу и адресъ горожанъ бывшему предводителю дворянства А. А. Шекину. Адресъ лежалъ у головы для подписи.

Сдѣлали обыскъ у другого виднаго городского дѣателя — г. Яменскаго. Это тоже купецъ-богачъ, кандидатъ въ городскіе головы.

При обыскѣ нашли альманахъ «Шиповника» № 2 и приобщили къ дѣлу.

Третій видный городской дѣатель — врачъ И. П. Дьяченко. У него также произвели обыскъ. Взяли одинъ номеръ «Русскаго Слова» со статьей: «Л. Н. Толстой въ гостяхъ у В. Г. Чертова» и третій номеръ альманаха «Зарницы».

Читателю трудно повѣрить, но это — истинная правда. Былъ даже такой трагикомическій случай. Учительникъ Савченко былъ выданъ, какъ наглядныя пособия, реторикъ и склянки для элементарныхъ химическихъ опытовъ съ учениками. У нея произвели обыскъ и нашли «лабораторію для изготовления взрывчатыхъ веществъ».

Инспекторъ народныхъ училищъ г. Боровиковъ задумалъ было выиснить «недоразумѣніе»:

— Кака же это лабораторія, да еще взрывчатыхъ веществъ?

Ее перевели въ Донскую область.

Всѣ обыски у городскихъ дѣателей имѣютъ одну цѣль: дискредитировать ихъ предъ выборами въ глазахъ губернской администраціи, отъ которой зависитъ утвержденіе выбранныхъ.

— Можно ли утверждать людей, у которыхъ производятся обыски!

В. В. 29-2011. 1203

Въ Ясной Полянѣ.

Левъ Николаевичъ поправился.

Выглядитъ свѣжимъ, бодрымъ.

Возобновилъ свои прогулки верхомъ и третьего дня, напимѣрь, проѣхалъ во время метели верстъ шесть.

Утомляютъ и разстраиваютъ Льва Николаевича безконечные просители.

Съ раннего утра вереницей тянутся они по направлению къ Ясной Полянѣ.

Тутъ и люди, ввавшие въ нужду благодаря случаю, и босяки-профессионалы, бредущіе по шпаламъ невѣдомо куда и заворачивающіе въ Ясную Поляну, чтобы «перехватить» гривенникъ.

Много подобнаго люда встрѣчали и обогнали мы съ товарищемъ, когда вчера, въ 9 час. утра, ѣхали со ст. «Щекино» въ Ясную Поляну.

У подъезда яснойполянскаго дома—группа: нѣсколько мѣстныхъ крестьянокъ—вдовъ, мрачный, опухшій отъ пьянства субъектъ въ дамскихъ башмакахъ, другой такой же, затѣмъ—какой-то прилично одѣтый молодой человѣкъ, какой-то мужчина среднихъ лѣтъ, какой-то старикъ.

— Графа ждемъ,—пробасилъ, повидимому, обращаясь къ намъ, субъектъ въ дамскихъ башмакахъ.

Мы прошли въ домъ и попросили вызвать домашняго врача Льва Николаевича.

Справившись у доктора о здоровьѣ Льва Николаевича, мы вышли на усадебный дворъ и тамъ встрѣтили самого веселаго писателя земли русской.

Его преслѣдовалъ субъектъ въ дамскихъ башмакахъ.

— Графъ, прошу васъ, графъ...

— Если бы вы знали, господа,—обратился къ намъ Левъ Николаевичъ,—какъ все это волнуетъ и разстраиваетъ меня... Каждый день, безъ конца... Не могу же я всѣмъ помочь...

Субъектъ при нашемъ появленіи ретировался.

— Я пишу статью объ этой бродячей арміи,—продолжалъ Левъ Николаевичъ.—Мнѣ хочется подѣлиться съ обществомъ своими наблюденіями и впечатлѣніями. Да, вотъ, не знаю, какъ цензура...

Левъ Николаевичъ поникъ головой.

— Ну, до свиданія,—произнесъ онъ послѣ минутнаго молчанія и быстрой походкой направился въ садъ.

На обратномъ пути явнищѣ сообщалъ, что въ то время, какъ мы были въ домѣ, Левъ Николаевичъ одѣлалъ большинство пришедшихъ къ нему. Въ тотъ часъ и субъектъ въ дамскихъ башмакахъ.

Но послѣдній остался недоволенъ.

Онъ требовалъ большаго...

.N.

ВЪ МОСКВѢ.

23-го декабря.

(По телефону отъ нашего корреспондента).

Л. Н. Толстой поправился.

Корреспондентъ «Русскаго слова» побывалъ въ Ясной Полянѣ. Левъ Николаевичъ поправился, выглядить свѣжимъ и бодрымъ, возобновилъ свои прогулки и третьего дня проѣхалъ во время метели верстъ 6. Утомляютъ и разстраиваютъ Л. Н. безконечные просители. Нѣкая толпа оборванцевъ ждетъ его около дома и попрошайничаетъ. На глазахъ корреспондента Л. Н. вышелъ и сказалъ: «Если бы вы знали, господа, какъ это все волнуетъ и разстраиваетъ меня. Каждый день, безъ конца. Не могу же я всѣмъ помочь».

«Я пишу статью объ этой бродячей арміи,—сказалъ Л. Н. корреспонденту «Русскаго Слова».—Мнѣ хочется подѣлиться съ обществомъ своими наблюденіями и впечатлѣніями. Да вотъ не знаю, какъ цензура».

Б. В. 23-го дек. 1900

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЪТОПИСЬ.

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ТОЛСТОГО.

Л. Н. Толстой написал размышлений о «Жизни и смерти» и публикует их в сборник, издающемся московским обществом печатников.

«Смерть—это перемена в нашем тѣлѣ,—пишетъ Л. Н.,—самая большая, самая послѣдняя. Перемены въ нашемъ тѣлѣ мы всѣ переживаемъ, и переживаемъ самымъ большимъ: то мы были голыми клочками мяса, потомъ стали груднымъ ребеночкомъ, потомъ повзросли волосы, зубы, попадали зубы—выросли новые, стала расти борода, потомъ стали сѣдѣть, илѣшивъ, и всѣхъ этихъ переменъ мы не боимся.

Отчего же мы боимся послѣдней перемены?

Оттого, что никто не разсказывалъ намъ, что съ нимъ случилось послѣ этой перемены. Но вѣдь никто не скажетъ про человека, если онъ уѣхалъ отъ насъ, не пишетъ намъ, что его нѣтъ, или что ему дурно тамъ, куда онъ уѣхалъ, а скажетъ только, что нѣтъ о немъ извѣстій. То же самое и объ умершихъ: это значить только то, что мы не знаемъ ничего о томъ, что будетъ съ нами послѣ этой жизни... Однако, мы знаемъ, что жизнь наша не въ переменѣхъ тѣла, а въ томъ, что живеть въ этомъ тѣлѣ. А живеть въ этомъ тѣлѣ душа. А души нѣтъ ни начала, ни конца».

СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА.

Опредѣлялось уже содержаніе юбилейнаго сборника литературнаго фонда. Л. Н. Толстой прислалъ статью «Единственная заповѣдь» и беллетристическое произведеніе. Всѣ выдающіеся современные беллетристы и поэты внесли свою лепту въ общелитературное дѣло. Здѣсь: Брюсовъ, Сологубъ, Бунинъ, Короленко, Немировичъ-Данченко, Альбовъ, Бушнъ, Мерзляковскій Гиппиусъ, народный поэтъ Досужинъ и мн. др., причѣмъ большая часть общанныхъ ими произведеній уже доставлена.

Руса 23-Янв. 1909

Состояние здоровья Л. Н. Толстого.
Въ «Русскомъ Словѣ» сегодня напечатаны истины изъ Исоной Поляны. Л. Н. Толстой поправился, выглядит свѣжѣе, бодрѣе, возобновилъ прогулки. Третьяго дня онъ проткалъ во время мятежа 6 версты. Утомляють Л. Н. безконечные просители.

Расс 24 Дек. 1909

Переписка Л. Н. Толстого.

(Письмо въ редакцію).

Въ качествѣ уполномоченнаго Л. Н. Толстого по дѣлу проведения въ печать его впервые появляющихся писаныхъ живыхъ оцѣнокъ слѣдующее сообщеніе:

Въ послѣднее время какъ въ Россіи, такъ и за границей стали все чаще и чаще появляться въ печати частныя письма Л. Н. Толстого къ разнымъ лицамъ, то отдѣльно, то въ сборникахъ—цѣлыми коллекціями.

Для того, чтобы не повторять одного и того же всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые обращаются къ нему за разъясненіемъ на опубликованіе его писемъ, Левъ Николаевичъ поручить мнѣ заявить, что онъ разъ навсегда даетъ свое согласіе на печатаніе своихъ писемъ, если кто-либо найдетъ ихъ стоящими этого; но что онъ проситъ соблюдать при этомъ два условія.

Во-первыхъ, не желая, чтобы какія бы то ни было писанія становились чѣмъ-либо собственностью, но желая, чтобы при первомъ ихъ появленіи въ печати они становились доступными всѣмъ для безвѣстной перепечатки (какъ онъ печатно заявилъ еще въ 80-хъ годахъ), Л. Н. проситъ издателей давать при его письмахъ соотвѣствующее заявленіе о томъ, что какія-либо права литературной собственности на печатаемые или писаные не имѣются.

Во-вторыхъ, желая тщательно избѣжать того, чтобы въ его письмахъ проходило въ печать что-либо неумѣстное съ точки зрѣнія его, Л. Н.—ча, или получателей его писемъ, или же упоминаемыхъ въ письмахъ третьихъ лицъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, же имѣя времени для этой цѣли самому просматривать и редактировать свои письма, Л. Н. Толстой проситъ издателей предварительно доставлять эти письма мнѣ для просмотра и редактированія.

Адресъ мой въ настоящее время въ Россіи: Почтовый контора Голыцино, московской губ. Постояннымъ же заграницей адресъ: V. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England, Anglia.

Прошу другія газеты любезно перепечатать это заявленіе.

В. Чертковъ.

21 декабря.

Расс 25 Дек. 1909

со старческой отсталостью приспособившись. Та-съ-та-съ, та-съ-та-съ...

Збышко.

Завѣтъ отшельника.

(Посвящается Л. Н. Толстому).

Въ благословенной странѣ Востока, на островѣ, чудномъ какъ рай земной, жилъ старый отшельникъ, далеко прославленный мудростью. Известенъ онъ былъ и своею добротой, и безмолвной жизнью. Питался старецъ только соками и плодами растений, которые тѣ сами отъ нихъ избытка терали; на другія свои нужды онъ бралъ у нихъ лишь отмершия ихъ части. Онъ старался не причинять вреда даже и неодоушевающимъ существамъ.

Необыкновенный старецъ жилъ на высокой горѣ, откуда могъ охватывать взоромъ огромную часть того міра, изъ котораго когда-то самъ удалился. Убѣжденъ отъ непогоды ему служила пещера.

Никто не зналъ ни происхожденія, ни прошлаго великаго старца. А люди, жившіе тамъ, внизу, считали его святымъ. Многие шли къ нему за совѣтами и утѣшеніемъ въ тяжелыя минуты жизни. Иногда и мучительныя владыки прибѣгали къ этому человѣку. Случалось, что и счастливицы, и даже путники обращались къ знаменитому отшельнику съ несчастнымъ умысломъ испробовать или осѣлать его. Но отъ таковыхъ старецъ отдѣлялся молчаніемъ.

Въ одну изъ чудныхъ южныхъ ночей съ безчисленными, яркими звѣздами на бархатномъ, темно-синемъ небѣ удивительный старецъ сидѣлъ у своей пещеры и глядѣлъ задумчивымъ взоромъ на безконечный міръ. Онъ смотрѣлъ и на необъятное небо, усеянное звѣздами, обращалъ свой взоръ и внизъ, на землю, на долину рѣки и склоны.

Вдругъ по горѣ, снизу, послышались торжествующія шаги. Вскорѣ изъ тѣмъ показавшаяся человѣческая фигура. Это оказался юноша, одѣтый въ богатое одѣяніе и при дорожномъ оружіи. Остановившись на минуту, онъ стремительно подошелъ къ старцу и припалъ къ его ногамъ.

— Сынъ мой, прежде чѣмъ сказать мнѣ, кто ты и зачѣмъ пришелъ, ты долженъ обезоружить себя. Сюда не должно быть доступа жестокимъ и сильнымъ. Зубы не мѣсто принадлежавшихъ жестокости и злобы, которыми люди стараются занять себя когти и зубы хищныхъ звѣрей.

Юноша послушно выхватилъ изъ-за пояса ножъ въ дорогой оправѣ, сорвалъ

Расс 25 Дек. 1909

со спины звук и колчань и отбросить все это от себя. И опять припал головой къ погамъ чудснаго старца.

— Отецъ мой,—началъ онъ,—я—еще юноша, юный силъ и наѣтенный, больше чѣмъ неслаженно, всевозможными дарами и благами, какіе только есть у судьбы для ея любимцевъ. Я—царскій сынъ, и при всемъ томъ я—несчастнѣйшій изъ смертныхъ. Всѣ вокругъ, даже враги, считаютъ меня за прекраснѣйшаго, сильнѣйшаго и даровитѣйшаго юношу. Меня любятъ красивѣйшія и знатнѣйшія дѣвушки. Я не разъ слышалъ не только во дворцахъ, но даже и въ бѣднѣйшихъ хижинахъ пѣніе сложенныхъ мною пѣсень. И несмотря на все это я возненавидѣлъ жизнь. Я ужасался передъ нею. Я не нахожу болѣе мѣста на землѣ. Я готовъ добровольно умереть, чтобы только не видѣть всего того зла, которое совершается ежедневно и постоянно вокругъ меня.

Суди самъ: мои окруженные почитаемъ родными невѣрами другъ-другу. Родной братъ строить козни противъ меня. Мой ближайшій другъ обманываетъ меня. Моя любимѣйшая дѣвушка, моя избранная подруга жизни, нѣмнѣетъ мнѣ. Отецъ мой! Научи меня, что мнѣ дѣлать, какъ мнѣ избавиться отъ страданій, которыми заставляютъ меня ненавидѣть свѣтъ дневной. Или лучше мнѣ лишитъ себя жизни, такъ какъ жизнь моя, это—наѣмъ отравленное существованіе...

— Сынъ мой! Я вижу, что ты—не одинъ изъ тѣхъ баловней судьбы, которые, преемленные всевозможными благами, являются ко мнѣ отъ нечего дѣлать. Я вижу, что твои страданія не поддѣльны и нематы... Сынъ мой! Я, такъ какъ и ты, былъ смелоду одеревъ отъ судьбы всеми возможными благами жизни. Я тоже былъ высокаго пронохожденія, былъ прекрасенъ, силенъ, даровитъ и искусенъ во всемъ. Я также возбудилъ въ людяхъ восхищеніе и зависть. И такъ же, какъ и ты, я рано позналъ весь ужасъ существованія. И, такъ же, какъ и ты, я убѣдился, что жизнь—не блаженство, а мука для того, кто умѣетъ думать и чувствовать, у кого есть сердце. Умъ долго я жилъ на свѣтѣ, чѣмъ болѣе я вглядывался во все окружающее, тѣмъ болѣе я находилъ повсюду зло, тѣмъ болѣе и болѣе я убѣдился, что зло и жестокость живутъ повсюду, что они правятъ міромъ. Я видѣлъ, какъ злой и коварный человѣкъ побѣждаетъ повсюду добраго и благороднаго. Я видѣлъ, какъ свирѣпый, кровожадный тигръ пожираетъ безоружную, крохотную лань. Я видѣлъ, какъ хищный орелъ терзаетъ пернатую матку. Я замѣтилъ, что въ каждой норѣ, что въ каждомъ дѣткѣ идея война и разбой,—самый безжалостный и безнадежный разбой. Ты видишь поверхность океана, который чуть колеблется тамъ, вдали, подъ звѣзднымъ сіяніемъ. Какъ спокойна, какъ красива эта тяжелая, величественная масса, въ которую смотрится небо со звѣздами! Но въѣдь и тамъ, и въ этой таинственной глубинѣ, все преслѣдуетъ одно другое, все бѣжитъ одно отъ другаго... Это было на свѣтѣ ранѣе насъ и останется и послѣ насъ. Я думаю, что горе и страданіе на нашей землѣ будутъ даже возрастать вслѣдствіе ея оскуднѣнія и тѣсноты на ней. И никто тутъ не властенъ что-нибудь сдѣлать. А человеческое сердце, не будучи въ состояніи не жалѣть, не можетъ и не

кого умелъ думать и чувствовать, у
на свѣтъ, чѣмъ болѣе я вглядыва-
лся во все окружающее, тѣмъ бо-
лѣе я находилъ повсюду зло, тѣмъ
болѣе и болѣе я утѣшался, что зло
и жестокость живутъ повсюду, что
они правятъ міромъ. Я видѣлъ, какъ
злой и коварный человѣкъ побѣжда-
етъ повсюду добро и благороднаго.
Я видѣлъ, какъ свирѣпый, кровожадный
тигръ пожираетъ безоружную, кроткую
лани. Я видѣлъ, какъ хищный орелъ
терзаетъ пернатую матку. Я замѣтилъ,
что въ каждой порѣ, что въ каждомъ
дѣлѣ идетъ война и разбой,—самый
безжалостный и безпощадный разбой.
Ты видѣлъ поверхность океана, ко-
торая чуть колеблется тамъ, вдали,
подъ звѣзднымъ сіяніемъ. Какъ спо-
койна, какъ красива эта тяжелая, вели-
чественная масса, въ которую смотрится
небо со звѣздами! Но въдъ и тамъ, и
въ этой таинственной глубинѣ,
все преслѣдуетъ одно другое, все бѣжитъ
одно отъ другаго... Зло было на
свѣтъ ранѣе насъ и останется и
послѣ насъ. Я думаю, что горе и
страданіе на нашей землѣ будутъ
даже возрастать вълѣдствіе ея оскубъ-
ныя и тѣсноты на ней. И никто тутъ не
властенъ что-нибудь сдѣлать. А
человѣческое сердце, не будучи въ со-
стояніи не жалѣть, не можетъ и не
страдать. Потребность жалѣть, сочувствовать
и любить будетъ все нарастать въ че-
ловѣкѣ, соответственно нарастанію зла
на землѣ. Сердце человѣка будетъ все
усилиннѣе разсѣивать зло, что-
бы сострадать тому, кого зло по-
ражаетъ, чтобы смягчать его удары
и стремиться уменьшать необят-
ное количество повсемѣстнаго страданія
на землѣ. И въ этомъ и будетъ выс-
шее назначеніе лучшимъ представителямъ
человѣческаго рода; въ этомъ будетъ за-
ключаться и его послѣдняя религія. Лю-
ди будутъ любить все, что только живетъ
или прозябаетъ на землѣ. Люди повсю-
ду будутъ стараться облегчить живу-
щему горести и страданія. И че-
резъ это хотя и не наступитъ ни-
когда того мира на нашей землѣ, никогда
не вернется тотъ золотой вѣкъ, о кото-
ромъ мечтаютъ нѣкоторые, но въ самой
борьбѣ со зломъ будетъ заключаться вели-
чайшее и высочайшее удовлетвореніе.
Такое состояніе духа челоѣческаго
будетъ его религіей въ будущемъ. И это
будетъ его послѣдней религіей, ибо
дальше челоѣку некуда идти. Въ
далекомъ будущемъ такая религія
захватитъ большую часть челоѣ-
чества. А пока насъ, думающихъ
и чувствующихъ такимъ образомъ, немо-
жно на землѣ. И мы должны всѣми силами
насаждать и распространять эту рели-
гію. Я тоже старался насаждать ее. Но
я доживаю свой долгій вѣкъ, давно сокру-
шаюсь о томъ, что у меня не находится
преминка. Теперь я его нашелъ. Ты,
прекрасный юноша, съ благородной и
страждущей душой, долженъ стать мо-
имъ преемникомъ. Поэтому умоляю тебя,
оставь свою суетную и жестокую жизнь
тамъ, внизу, и оставайся со мной на вы-
сотѣ. Скоро ты закроешь мои уставшія
вѣжды и заступишь мое мѣсто. И когда
къ тебѣ будутъ приходить люди за по-
ученіями и утѣшеніями, то молчай и утѣ-
шай ихъ, подобно тому, какъ это дѣлалъ
я. Помни, что даже и самая маленькая
сфера дороже самаго большого алмаза.
И благо тому, кто можетъ осушить хоть
одну изъ нихъ. Согласенъ ли ты, сынъ
мой?

Вмѣсто отвѣта юноша принялъ горя-
чши устами къ ногамъ своего новато
отца...

А. Энгельмееръ.

Въ Ясной Полянѣ.

Г-жа Ванда Ландовская отправляется 28 декабря въ Ясную Поляну со своимъ клавесиномъ. На дняхъ она получила изъ Ясной Поляны слѣдующую телеграмму: «Левъ Николаевичъ здоровъ. Радостно ожидаемъ. Толстые».

Поч. 28-дек. 1909

Въ историческомъ музеѣ принялись перемѣщать. Рѣшило выставить Гоголя, сжигающаго свои рукописи, и рядъ портретовъ, между ними и портретъ Л. Н. Толстого.

Поч. 28-дек. 1909

Новый законъ объ авторскомъ правѣ.

Въ виду того, что у насъ въ самомъ ближайшемъ времени предстоитъ измѣненіе существующаго законодательства объ авторскомъ правѣ, и въ виду особой важности установленія той или иной продолжительности авторскаго права, мы считаемъ полезнымъ ознакомить русское общество съ тѣмъ, какъ рѣшенъ этотъ вопросъ въ только что изданномъ новомъ американскомъ законѣ, регулирующемъ авторское право, рѣзо расходящемся съ аналогичнымъ законодательствомъ европейскихъ странъ.

До настоящаго закона продолжительность авторскаго права нормировалась въ Соед. Штатахъ, слѣдующей статьей прежняго закона: «Авторское право предоставляется на 28 лѣтъ...

«Авторъ, если онъ еще живъ, или вдова его или дѣти, если онъ умеръ, сохраняютъ авторское право еще на 14 лѣтъ, если заявить о такомъ своемъ желаніи (известнымъ, установленнымъ закономъ, способомъ) за шесть мѣсяцевъ до истеченія основнаго срока авторскаго права».

Такимъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ срокъ авторскаго права зависѣлъ только отъ времени выхода въ свѣтъ сочиненія, причемъ основный срокъ авторскаго права былъ очень непродолжителенъ и могъ быть продленъ только по желанію самого автора или его ближайшихъ родственниковъ.

Въ этой статьѣ мы видимъ выраженіе глубочайшаго уваженія къ литературѣ и наукѣ, желаніе сдѣлать все возможное для того, чтобы всѣ труды человѣческой мысли, поскольку они принимаютъ форму печатныхъ произведеній, становились возможно скорѣе общественнымъ достояніемъ.

Со времени организаціи Бернской международной литературной конвенціи въ континентальныхъ странахъ Европы много разъ были высказываемы пожеланія объ измѣненіи американскаго авторскаго права, особенно статьи, нормирующей его продолжительность, такъ эта статья ставила непреодолимые препятствія къ присоединенію Соед. Штатовъ къ международной (литературной) конвенціи.

Однако новый законъ опять опредѣляетъ продолжительность авторскаго права въ зависимости отъ времени выхода книги и ограничить ее 28 годами. Какъ и прежде, этотъ основный срокъ можетъ быть продолженъ, но не на 14 лѣтъ, какъ было раньше, а на 28 лѣтъ. Для этого опять-таки требуется специальное заявленіе, сдѣланное въ указанномъ закономъ порядкѣ самимъ авторомъ, вдовой, вдовцомъ (это нововведеніе явилось естественнымъ результатомъ весьма значительнаго участія американскихъ женщинъ въ литературѣ и наукѣ) или дѣтьми автора. Впрочемъ, новый законъ говоритъ также, что, если нѣтъ въ живыхъ ни одного изъ только что перечисленныхъ лицъ, то авторское право можетъ быть продолжено на вторичный 28-лѣтній срокъ по заявленію душеприказчиковъ или при отсутствіи записанія по заявленію ближайшаго родственника.

Только что указанная прибавка не измѣняетъ основнаго факта, заключающагося въ томъ, что нормальная продолжительность авторскаго права въ Америкѣ почти вдвое менше минимальной его продолжительности въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ у насъ или во Франціи, авторское право длится всю жизнь автора и 50 лѣтъ послѣ смерти. Если бы въ Россіи дѣйствовалъ прежній американскій законъ, то большинство произведеній Л. Н. Толстого, включая «Войну и Миръ», было бы уже общимъ достояніемъ, какъ сдѣлалось въ Америкѣ общими достояніемъ первые рассказы Марка Твена. Да и по теперешнему, измѣненному американскому закону должны были бы сдѣлаться общими достояніемъ «Дѣтство и Отрочество», а вскорѣ и другія раннія литературныя произведенія графа Л. Н. Толстого.

Ранъ 28-200. 1902

Всероссийскій съѣздъ по борьбѣ съ пьянствомъ.

Вчера, въ началѣ 2 час. дня, въ залѣ Дворянскаго собранія состоялось торжественное открытіе перваго всероссійскаго съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ. Присутствуютъ нѣсколько сотъ представителей самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества: священнослужители, бюрократы, народные представители, представители отъ рабочихъ и т. д. Прислали своихъ делегатовъ нѣмцы, шведскія, финскія и другія общества трезвости.

Послѣ небольшой пріветственной рѣчи председателя организационнаго комитета съѣзда профессора Н. Н. Нижегородцева и председателя исполнительной коммисіи Д. А. Дриля состоялись выборы въ президіумъ. Председателемъ съѣзда избранъ В. И. Ковалевскій, товарищами его члены Г. Совѣта Н. Е. Крамеръ и д-ръ Матти Геленіусъ изъ Финляндіи; секретарями д-ръ А. А. Голосовъ изъ Ярославля, приват-доцентъ В. И. Борятинскій изъ Одессы, Е. Д. Максимовъ и К. Шмидтъ.

Первую рѣчь пронаеся председатель думской коммисіи о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ епископъ Митрофанъ.

— Неудъ, собравшій сюда многочисленныхъ общественныхъ дѣятелей, застарѣлый и требуетъ планомернаго дѣянія. Единичной работы, даже богатирской—мало. Съ пьянствомъ нужно бороться силами всего общества, нужно разбудить спящихъ. Работы съѣзда будутъ тогда плодотворны, когда мы сумѣемъ заставить самъ народъ сознать весь вредъ алкоголя и вступить въ активную борьбу съ нимъ.

Культовый обществу,—закончилъ владыка,—не должно терять алкогольнаго напѣства. Оно должно силотиться въ борьбѣ съ нимъ во имя лучшаго будущаго своихъ же дѣтей. Девизомъ дѣятельности нашего съѣзда должна явиться проповѣдь полнаго воздержанія.

Слѣдую рѣчь, вызывавшую долго перемолваніе аппозицименты, произнесъ членъ Г. Думы б. земскій прахтъ А. И. Шингаревъ.

Любопытное явленіе отбѣластъ ораторъ. По статистическимъ даннымъ первое мѣсто по употребленію алкоголя занимаетъ Франція (20 литровъ вина въ годъ на человѣка), а Россія предпоследнее—2,6 литра, и тѣмъ не менѣе населеніе другихъ странъ только пьетъ, въ то время какъ Россія пьянствуетъ. Ни въ одной другой странѣ не пропадается столько богатствъ, сколько въ Россіи, а при нашей бедности это имѣетъ колоссальное значеніе.

Кто пьетъ въ Россіи? Ораторъ съ цифрами въ рукахъ доказываетъ, что пьютъ по преимуществу рабочіе, живущіе въ плохой обстановкѣ, много работающіе и плохо питающіеся.

А. И. Шингаревъ дальше много и долго говоритъ о вредѣ пьянства, о вліяніи алкоголизма на человѣческую смертность, на распространеніе заразныхъ болѣзней, на общественность и т. д.

Однимъ изъ аппозициментовъ было вѣдѣно съѣздомъ, оглашенное проф. Д. Н. Бородинымъ слѣдующее письмо графа Л. Н. Толстого:

«Митрій Николаевичъ! Очень радъ буду содѣйствовать чѣмъ могу вашему прекрас-

ному намѣренію. Чѣмъ больше я вижу зло, происходящее отъ пьянства (а вижу это зло я въ ужасныхъ размѣрахъ) и чѣмъ чаще мнѣ приходится говорить объ этомъ злѣ съ страдающими отъ него, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что спасеніе отъ него лежитъ преимущественно, если не исключительно, въ сознаніи людей о губительности этого гѣха не для тѣла, а для души. Избавится отъ него человѣкъ не тогда, когда онъ будетъ лишентъ возможности пить, а тогда, когда не станеть пить, хотя бы передъ нимъ въ его комнатѣ стояло бы вино, и онъ сныналъ бы его запахъ, и ему стояло бы только протянуть руку. А это будетъ только тогда, когда человѣкъ будетъ считать благо духовное выше блага тѣлеснаго. А такое предпочтеніе души передъ тѣломъ можетъ быть только у человѣка религіознаго.

Такъ что, по моему, пьянство—отъ отсутствия религіознаго сознанія, а спасеніе отъ него—въ пробужденіи этого сознанія.

Съ совершеннымъ уваженіемъ.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна, 4-го декабря 1909 г.»

Съѣздомъ была тутъ-же составлена и немедленно отправлена великому писателю слѣдующая отвѣтная телеграмма:

«Первый всероссійскій съѣздъ по борьбѣ съ пьянствомъ пріветствуетъ васъ, какъ великаго наставника и учителя трезвости, гордость и славу русскаго народа».

Затѣмъ начались пріветственныя рѣчи. Отъ имени сиб. университета говорилъ профессоръ М. М. Ковалевскій, отъ военно-медицинской академіи—академикъ В. М. Бехтеревъ; В. С. Кривенко сказалъ пріветствіе отъ имени сиб. городского общественнаго управленія, генералъ Черепановъ отъ сиб. попечительства народной трезвости и т. д. Отвѣтилъ еще пріветствія отъ московскаго попечительства о народной трезвости; отъ главнаго управленія земледѣлства и земледѣлія, отъ московскаго, новороссійскаго и юрьевскаго университетовъ, отъ военно-экономическаго общества, отъ юридическаго общества, отъ группы международнаго союза криминалистовъ, отъ московскаго и одесскаго городскихъ общественныхъ управленій, отъ различныхъ земствъ, старообрядческихъ обществъ и т. д.

Шумными аппозициментами были встрѣчены пріветствія члена шведскаго парламента президента шведскаго отдѣла интернаціональнаго ордена «добрыхъ храмовниковъ», д-ра Вавринскаго, представителя германскихъ обществъ народной трезвости д-ра Шмидта, проф. пражскаго университета д-ра Ферманека, говорившаго на русскомъ языкѣ, и представителя отъ финляндскихъ обществъ трезвости д-ра Гайканена.

Въ 5 съ половиной час. вечера торжественное засѣданіе было объявлено закрытымъ.

Министръ финансовъ В. Н. Кокцовъ прислалъ съѣзду телеграмму, въ которой выразилъ пожеланіе: «дабы совѣстными усиліями собравшихся на съѣздъ представителей науки были найдены дѣйствительныя мѣры по борьбѣ съ злоупотребленіями спиртными напитками».

На съѣздъ по борьбѣ съ пьянствомъ.

Д. Н. Бородинъ прочелъ полученное имъ привѣтствіе съѣзду отъ графа Л. Н. Толстого:

„Очень радъ буду содѣйствовать, чѣмъ могу, вашему прекрасному намѣренію. Чѣмъ больше я вижу зло, происходящее отъ пьянства (а вижу я это зло въ ужасныхъ размѣрахъ), и чѣмъ чаще мнѣ приходится говорить объ этомъ злѣ съ страдающими отъ него, тѣмъ больше я убѣждаюсь, что спасеніе отъ него преимущественно, если не исключительно, въ сознаніи людей губительности не для тѣла, а для души этого грѣха. Избавится отъ него человѣкъ не тогда, когда онъ будетъ лишенъ возможности пить, а тогда, когда не станетъ пить, хотя бы передъ нимъ въ его комнатѣ стояло вино, и онъ слышалъ его запахъ, и ему стоило бы только протянуть руку. А это будетъ только тогда, когда человѣкъ будетъ считать благо духовное выше блага тѣлеснаго. А такое предпочтеніе души передъ тѣломъ можетъ быть только у человѣка религіознаго.

Такъ что, по моему мнѣнію, пьянство отъ отсутствія религіознаго сознанія, и спасеніе отъ него въ пробужденіи этого сознанія.

Левъ Толстой“.

Съѣздъ отвѣтилъ Льву Николаевичу телеграммой, въ которой привѣтствовалъ его, „какъ великаго наставника и учителя трезвости, гордость и славу русскаго народа“.

Рижская Москва 30-20. 1900

Въ алкоголизмѣ среди школьничковъ наблюдается законоомерное явленіе, что алкоголь приноситъ болѣе вредъ дѣтямъ физически здоровымъ, чѣмъ дѣтямъ съ слабымъ организмомъ. Этимъ докладчикъ объясняетъ особенно губительное вліяніе алкоголя на деревенскую дѣтвора, въ общемъ отличающуюся лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ городскія дѣти. Въ заключеніе докладчикъ рекомендуетъ рядъ мѣръ по борьбѣ со школьнымъ алкоголизмомъ.

Этому же вопросу быть посвященъ и докладъ М. Г. Ротельникова.

Священникъ П. Миртовъ сдѣлалъ краткое сообщеніе по вопросу о курсѣ ученія трезвости въ духовныхъ семинаріяхъ. Докладчикъ горячо призываетъ слѣдовать за вѣту Льва Толстого, этого учителя и вѣставника трезвости, и въ своихъ резолюціяхъ подчеркнуть, что развитіе алкоголизма объясняется упадкомъ религіознаго сознанія.

Речь 31-го Дек. 1900

Какія же мѣры нужно предпринять? Что дѣлать въ борьбѣ со зломъ? И этотъ докладчикъ, какъ и всѣ предыдущіе, указываетъ на одинъ выходъ: просвѣщеніе, просвѣщеніе и просвѣщеніе.

Дневное засѣданіе закончилось страстной рѣчью протоіерея П. А. Миртова.

— Вы назвали Л. Н. Толстого въ своей телеграммѣ къ нему «великимъ наставникомъ и учителемъ, гордостью и славой русскаго народа», такъ руководствуйтесь же его словами, что «спасеніе отъ пьянства — въ пробужденіи религіознаго сознанія». Старайтесь поднять религіозный уровень воспитанниковъ духовныхъ семинарій, и вы найдете въ нихъ будущихъ апостоловъ и борцовъ съ народнымъ пьянствомъ.

Б. В. 31-го Дек. 1900

Ахъ, что бы тамъ ни говорили, пусть назовутъ меня не только вандаломъ, но и святотатцемъ, а я все-таки скажу, что за одну главу «Анны Карениной» я отдамъ всѣ многотомныя философско-моралистическія сочиненія Толстого. И какую гору настоящаго самороднаго золота потеряли мы благодаря тому несчастью, что ясполянскій отшельникъ увлекся ролью проповѣдника и презрѣлъ искусство.

Б. В. 31-го Дек. 1900

THE ROYAL STAR **СЕГОДНЯ, ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ.**

★ **Гатчина.** Парадъ Л.-Гв. Преображенскаго полка, соб. съемки. **Левъ Толстой въ Москвѣ.** и другія новости.

ДОЧЬ ПАТРИОТА Начало безпрер. предст. съ 1 ч. дня до 8 ч. в. Волын. вечерн. предст. въ 8 1/4 ч. в. 29013

2:249

Телеф. № 86-25. Сѣ. Марсова поля перевод. въ Пассажъ, Невскій, 48.

ТЕАТРЪ-КОНЦЕРТЪ **ОАЗИСЪ** **“**

у Троицкаго моста. Телеф. 98-72. Отдѣленіе **The Royal Star.**

СЕГОДНЯ, ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ. **ГАТЧИНА** Парадъ Л.-Гв. Преображенскаго полка, соб. съемки. **Левъ Толстой въ Москвѣ.** и другія новости. Собств. съемки. Гв. Арт. а т. кино прожекторное миниреж. **Она ушла.** Состязанія аэроплана въ Брешіа и др. карт. Нач. дневн. предст. съ 4 ч. д. до 7 ч. в. Крокъ киноматограф. спектак. вечерн. предст. съ 8 ч. до 11 1/2 ч. **КОНЦЕРТНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ** при участіи **Давидъ Давидовъ, Гр. Иовановичъ, Томсонъ, Amedeo Pasquette и Лисманъ.** Нач. съ 8 час. до 11 1/2 ч. Преди. пред. бил. съ 10 ч. у. до 5 ч. в. въ Центр. Кассѣ Невскій, 23 и въ кассѣ театровъ съ 10 ч. у. до оконч. спектак. А 29014

Ремес. Зав. книжн. Лх. 1920

ЧУДЕСНОЕ ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ

Разсказано гр. Л. Н. Толстымъ.

Длинный зимній вечеръ въ Ясной Полянѣ. Великій старикъ въ кругу своей семьи на мягкомъ угловомъ диванѣ, откинувшись на высокую спинку, слушаетъ разговоръ молодежи.

Одна изъ частыхъ картинокъ мирной жизни яснополянскаго дома, изображенная, кажется, Пастернакомъ.

Говорятъ о сверхчужденномъ, о второй памяти, прежнихъ переживаніяхъ, о чудесахъ. Толстой слушаетъ и улыбается.

— Много въ жизни чудеснаго, ахъ, какъ много, — говоритъ онъ и значительно смотритъ на молодежь. — При звукахъ его голоса въ комнатѣ воцаряется мертвая, выжидательная тишина.

«Что-то онъ раскажетъ, навѣрное, что-нибудь раскажетъ», мелькаетъ у всѣхъ въ головахъ.

А Толстой, пишеть «Р. У.», чудесный разсказчикъ и если можно было-бы записать всѣ его разсказы, которые онъ, по мѣткому выраженію покойнаго Вс. Гаршина, роняетъ и роняетъ въ кругу семьи, составилъ-бы великозбыный томъ, не уступающій по художественному изложенію и интересности всему тому, что имъ написано до сихъ поръ.

— Да, да, много чудеснаго, — вздыхаетъ

Толстой и складываетъ на коленяхъ свои большія руки.

— Тсс... — проносится по комнатѣ, и Толстой, обводя всѣхъ загадочнымъ взглядомъ, начинаетъ:

— Случилось это нѣсколько лѣтъ назадъ на рождественскій сочельникъ. Собирались прѣхать ко мнѣ изъ сосѣдняго имѣнія Е. А. Б.—съ. Ждали ее двадцать четвертаго къ вечеру, а прѣехала она въ первый день Рождества утромъ, взволнованная и измученная. Прѣехала и разсказала, что едва не погибла на дорогѣ, сбившись съ пути въ лѣсу. Произошло это такъ: утромъ, когда она вышла на лошадахъ, погода была прекрасная, солнечная, а часа полтора спустя поднялся вѣтеръ, пошехъ снѣгъ и закружилась вьюга. Слѣпила глаза и заносила дорогу и скоро слѣзлось ясно, что съ пути они сбились и безпомощно кружатъ гдѣ-то въ сторонѣ.

Кучеръ попался изъ робкихъ и нерѣшительныхъ, а барынька была горячая и нетерпѣливая и все поговляла и указывала. А указывала такъ безтолково, что робкій и нерѣшительный кучеръ разсердился, наконецъ, и, остановивъ лошадей, рѣшительно заявилъ:

— Не поѣду дальше, — и слѣзъ съ облучка

Барынька давай бранить и кричать, а онъ стоитъ на своемъ—«не поѣду» и лошадей началъ распрягать.

— Что ты дѣлаешь? Зачѣмъ лошадей распрягаешь?

— Все равно умирать ѣдучи, или стоя,—ужъ лучше стоя умереть... И скотинкѣ помореть стоя лучше.

И откуда у него взялась эта рѣшимость и хладнокровіе—Господь въдастъ.

Барынька вознуется, а онъ лошадей распрягъ, поставилъ ихъ мордой къ мордѣ, оглобли поднялъ къверху и истово перекрестившись, сѣлъ на сѣнь рядомъ.

Нерѣшительное волненіе барыньки замѣтилось испугомъ.

— Неужели и вправду умирать?—промелькнуло у нея въ головѣ, и лихорадочной дрожью отозвалось во всемъ тѣлѣ.

— Ты-бы дорогу поискалъ,—обратилась она робко къ кучеру.—Можетъ, и найдемъ.

— Понскать, отчего не понскать,—отвѣтилъ кучеръ.—Только все это неправильно. Ежели придется чашъ помереть, все равно помереть, и дорогу тогда зря искать.

Однако, встала и скрылась въ сѣнной метел.

Осталась барынька одна, и ужасъ охватилъ ея сознаніе. Кругомъ темнѣло безпошадно быстро, и сѣнныя холмы, казалось, шли на нее и смотрѣли холодно и безстрастно.

«Бѣлая, холодная смерть»,—думала барынька и закрывала глаза, и въ закрытыхъ

глазахъ расходились яркіе огненные круги и плавали красивыя красочныя озеря.

«Конецъ, конецъ!»—шептала она: «Боже мой, въ такой вечеръ, наканунѣ такой ночи и вдругъ конецъ»!..

И какъ всегда бывасть наканунѣ конца, все начало жизни и вся она, безалаберная, пестрая жизнь, какъ длинная лента кинематографа, промелькнула въ ея головѣ.

И не было въ ней ни красиваго, ни большаго, ни значительнаго, ни важнаго, а было одно, отъ начала до послѣдней минуты, страстное ожиданіе этого большаго и значительнаго.

«И теперь не будетъ ничего, нечего ждать, все кончилось»!..

— Дороги нѣтъ...—раздалось подъ самымъ ея ухомъ, и изъ сѣннаго тумана выросла фигура кучера.

— Значить... погибъ?... — прошептала барынька полувопросительно, полуутвердительно...

— Пожили и довольно,—отрывисто проговорилъ кучеръ и сѣлъ опять у саней на сѣнь.

Стеннѣло. Сѣнныя холмы подошли вплотную и стали наклоняться.

— Господи, Боже мой!.. — вырвалось вдругъ у барыньки громко и страстно.—Я вѣрю, что Ты есть и видишь меня, и знаешь меня, и не оставишь меня. Я вѣрую, вѣрую,—и страстно заплакала.

— Барыня, Елена Александровна,—глади

— огонь!..—закричал кучеръ и вскочилъ.
Въ снѣжномъ туманѣ краснымъ, расплывчатымъ пятномъ свѣтился огонь.

— Вдѣмъ!..

Въ вѣсколку минутъ лошади были запряжены, а сани, освободившись отъ прилипшаго къ нимъ съ обѣихъ сторонъ снѣга, поѣхали въ сторону огненного пятна.

Ѣхали долго, а пятно все не исчезало. Наконецъ, оно ярко сверкнуло, и изъ тумана вырисовался фонарь.

Приѣхали. У воротъ небольшой крестьянской избытки стоялъ парень и держалъ на высокомъ шестѣ зажженный фонарь.

— Наконецъ-то, а то заждался,—сказалъ онъ, отворяя ворота.

— А развѣ ты зналъ?—удивилась барынька.

— А какъ-же, старичокъ отъ васъ приходилъ и фонарь наказалъ зажечь,—отвѣтилъ парень, вводя лошадей во дворъ.

— Старичокъ!—изумилась она, но только на одно мгновеніе: усталость и пережитыя волненія не дали ей возможности ни изумляться, ни спрашивать.

Проснувшись, по утру, значительно успокоенная, она со всѣми подробностями вспомнила предшествующую ночь.

«Старичокъ, какой старичокъ?»—зашевельлось у ней въ головѣ.—«И какъ могъ фонарь въ туманѣ давать такъ далеко свѣтъ?»

Спросила парня.

— Какой такой старичокъ приходилъ, а

никого не посылала?

— Не могу знать... Приходилъ старичокъ, худенькій, ласковый, борода бѣлая до пояса, говорилъ: «барыня ѣдетъ съ нучею, съ дороги сбившись, зажги фонарь».

— Старичокъ...—задумалась барынька.

— И странный такой,—продолжалъ парень,—ни чтобъ остаться и погрѣться, ни переночевать. Пришелъ, въ окошко постучалъ, сказалъ и ушелъ.

Приѣхала ко мнѣ и рассказала.

У насъ всѣ: «ахъ», да «охъ», всѣ болѣли на счетъ ея волненія и безпокойства, а старичкъ такъ, между прочимъ.

Ночью барынькѣ не спалось, все думала о томъ, какъ все это произошло, какой такой старичокъ и почему свѣтъ фонаря далеко былъ виденъ. Думала она и случайно взглянула на образъ Николая Чудотворца, а отъ него точно тихое шепѣе. Вглядывается и видитъ, будто губы у Чудотворца зашевелились и въ то же мгновеніе совсѣмъ близко отъ себя она услышала отчетливо, ясно:

— Это я былъ тогда, я и фонарь приказалъ зажечь...

Толстой умолкъ. Наступила тишина, прерываемая иногда чѣмъ-то прерывистымъ дыханьемъ.

— Вотъ и чудесное,—произнесъ Толстой и, обратившись къ Софьѣ Андреевнѣ, попросилъ:

— Дай-ка мнѣ чаю и булки съ масломъ, пойду въ кабинетъ поработаю...

Писар. газ. Кассетин Дик. концы 1903

Оригинальный рисунок Пьер-О для журнала «Огонек».

Огонек 21-го Мар. 1909

Около великих писателей.

(4 рис. на стр. 307).

В Петербурге в марте ожидается открытие двух интереснейших выставок, посвященных нашим знаменитым писателям, Л. Н. Толстому и Н. С. Тургеневу.

Выставки эти организованы совершенно независимо одна от другой, но их объединяет одна общая идея — любовь и уважение к великим художникам слова — и стремление возможно полнее обрисовать перед широкой публикой их личность, жизнь и деятельность.

Кроме того обе выставки имеют нечто общее между собой

и план и внешне: устройстве и так и здесь мы встречаем, главным образом, три отдела: портреты, рукописи и литературу. Тургеневская выставка («Выставка в память Н. С. Тургенева») устроена по инициативе Императорской Академии Наук, по случаю исполнившегося 22 августа 1888 года 25-летия со дня кончины автора «Отцов и детей». Участие в ней принимают очень многие учреждения и отдельные лица: Академия Наук, Исторический Музей (в Москве), Орловская Ученая Архивная Комиссия и др., а также О. В. Галахова, В. Н. Мосина (урожденная Тургенева), М. М. Савина, А. 6. Кони и другие известные лица. Благодаря энергии устроителей и отзывчивости упомянутых лиц и учреждений, Тургеневская выставка вышла очень удачной и очень

308

1909

Н И В А

1909

№ 16.

содержательной. Личность знаменитого писателя здесь освещена со всех сторон. Собрано все то, что так, или иначе связано с его именем, или хотя-бы отдаленно напоминают о нем. Посетитель выставки невольно чувствует себя как-бы в его гостях у Тургенева — до такой степени все здесь проникнуто его духом и обликом.

Выставка занимает аван-зал и конференц-зал Академии Наук. Огромный конференц-зал весь убранный портретами и гравюрами. Блещет на фоне тропической зелени прекрасные портреты писателя. Длинная стеклянная витрина с рукописями, письмами, документами, протянулась по обеим сторонам зала. На особом возвышении стоит знаменитый диань «самосон», на котором сиджали и дежилали гости Тургенева, почти все знаменитые наши писатели, современники автора «Записок охотника»: Толстой, Фет, Полонский, Григоричев...

Выставка распадается на несколько отделов: портреты Н. С. Тургенева; портреты лиц, имевших к нему какое-либо отношение; предметы, принадлежавшие Тургеневу; рукописи и письма писателя, иллюстрации к его произведениям, переводы его сочинений на иностранные языки; Тургенев в музыке; Тургенев в карикатурах, и т. д. Особый отдел посвящен семейству Влардо.

Особенно notable отдел портретов Тургенева (свыше 170). Среди них немало обращают на себя внимание чрезвычайно редкие, часто даже еще неизвестные публике, детские и юношеские портреты писателя: таковы, например, акварельный портрет, относящийся к 1828 году, с надписью: «Мой сын, Иванъ Тургеневъ 10 лѣтъ. Сергій Тургеневъ». Интересен также юношеский портрет (1838 года) с факсимиле его подписи под прозвищем «до допущения к испытанию на степени магистра философии». Немало хороших работ Ринна, К. Максковского, Перова, Харламова, Воброва и других известных художников. Можно без натяжки сказать, что Тургенев представлен почти во все периоды своей жизни. Редко кому из наших писателей, за исключением еще Л. Н. Толстого, вышла на долю такая обширная монография! Даже последние дни жизни Тургенева не остались в этом отношении без внимания: на выставку имеется фотографический снимок (собственность «Нива») с рисунка г-жи Шамеро, изображающего Тургенева в постели, в последние часы его жизни, на его даче «Лефрэнг» в Бухвалке.

Следующий огромный отдел — это рукописи и письма Тургенева. Они собраны и развешены во всевозможных витринах. И. подходи

к этим витринам, испытывая немалое благоговение. Пред нами старая, пожелтевшая тетрадь, испещренная поразительными чернилами. Характерный почерк Тургенева сразу бросается в глаза. Вот черновики «Пляшек», с первоначальным заглавием «Прыткий кабачек», со множеством поправок, с перечнем (на полях) действующих лиц. Вот такой-же черновики «Свидания». Далее рукописи романов «Накануне» и «Новь». Затем черновые рукописи: «Дневник лишнего человека» — небольшая тетрадка, мелко и даже как-бы хлипко написанная выцветшими чернилами; черновики «Станции». «Где тоны, там и прет» и т. д. А вот и рукопись знаменитой отос к концу: Гоголя («Гоголь умер») — статьи, за которую Тургенев был административно выслан из Петербурга!

В отдел фамильных документов и бумаг обращает на себя внимание миниатюрная записная книжка матери писателя, Варвары Петровны Тургеневой-Лутуновской. Книжечка раскрыта на 7-й страничке: мелким-мелким, но твердым почерком здесь изображено: 1818-го года, 28 октября в Новелънскихъ. Родился сын Иванъ — Ростомъ 12 ги першюк, въ Орсъ, въ своемъ доме въ 12 часовъ утра. Крестилъ 4-го числа ноября. Федоръ Семеевичъ. Уваровъ съ сестрою Федосеею Николаевною Гелюновъ. Душамъ ихъ тогда обождалъ сына этой книжки, въ какого великана превратится онъ, сынъ Иванъ, ростомъ 12 першюк?»

Из портретов родственников Тургенева необходимо остановиться на портрете его отца, С. Н. Тургенева: молодое, беззаботное и безоружное лицо красного офицера — кавалера ордена, несколько не походит на лицо знаменитого сына. К сожалению, из портрета В. Л. Лутуновской. Зато имеется небольшая фотография, дочери Н. С. Тургенева, Полины (из замужества, ш-не Виссе). В ее лице, наоборот, очень много общего черт с ее сыном, отец: тот же характерный рот, такой же нос, такая же глубокая впадина глаза.

Устроители выставки приложили много труда, чтобы хоть отчасти возместить ту обстановку, среди которой жил и работал Тургенев. Уже при входе в выставочный зал посетители встречают упомянутый выше «самосон». Тут же рядом еще две таких же почтенных реликвий: ружье Тургенева и его бытовая дорожка («Я хожу на беговыхъ дорожках!») Ружье — скромная пистолетная двустволка: дорожка — не менее скромный старомодный кожаный, выкрашенный в черную краску и порядочно потертый и обшарпанный.

Но вот главное святилище выставки: комната Тургенева в с. Спасском-Лутовиновъ.

В эту выставочную залу, в отгороженном небольшом пространстве поставлена декорация трех ступенек тургеневского кабинета в его деревенском доме. Рисунок обоев, ковер, ковры, картины, и т. д. — все это поставлено подлинная турге-

невская мебель, в том виде и порады в каком она стояла при жизни знаменитого писателя: письменный стол, кресла, диван, придвинутый к столу, ширмы, — а за ширмами кровать с отбоялом и ночной столик. И все это такое маленькое, скромное, почти божье! Невольно удивляешься, в какой простой обстановке жил и работал один из величайших наших писателей!

Этот «тургеневский уголок» является центром выставки. Здесь же, на письменном столе Тургенева, чья-то заботливая рука поставила свечки розе («Какъ хороши, какъ свежи были розы!») Кружок на стенах развешены выды Спасского-Лутовинова. Некоторые из них (малышам красками) принадлежат кисти известного поэта Я. П. Полонского.

Неподдачку от тургеневского уголка расположены две витрины с скорбными воспоминаниями о кончине Тургенева: здесь собраны газетная известия о его кончине, некролог, жеманно-орочная клятва на «одного покойника», волосы, отрезанные у покойного и т. п.

Чрезвычайно обильный отдел: лиц, имевших отношение к Тургеневу, и иллюстраций к произведениям Тургенева.

В первый из этих отделов вошло свыше 300 портретов русских и иностранных ученых, писателей, художников, артистов и издателей, с которыми встречался, или имел как-либо сношения Тургенев. Видное место здесь занимает галерея портретов Влардо. Среди других портретов выделяется великодушный портрет М. Г. Савиной (работы К. Максковского) и фотографии Золя, Флобера, Мопассана и т. д. Доля, с которыми был так близок за границей наш романтик.

В этом отделении сосредоточено много неформальных копий, всевозможных гравюр, рисунков, акварелей на тургеневские сюжеты. Один из них — например, рисунки из старинных журналов «Пчела», «Огонек» — мало интересны. Другая — например, изданные акварели П. Соколова к «Запискам охотника» — художественны. Очень часто встречаются оригиналы-рисунки (Табурин, Краченко и др.) из «Нивы».

Утомительно было бы перечислять другие отдели и экспонаты («Тургенев в музыке», «Тургенев в карикатурах», «Смех», и т. д.), но нельзя не остановиться на любопытном экспонате из отдела «Смех»: это «Pernis de classe» (блестя на право охоты), выданный Тургеневу веральским начальством. Документ этот является числом формальным описанием внешнего знаменитого писателя:

«Age de 56 ans; taille — d'un metre 8 cm.; cheveux — gris-palis, sourcils — chatain-foncé, yeux — bleus; bouche — moyenne; nez — moyen; barbe — blanche; teint — clair.» И в конце прибавлено: «Обоимъ пригнать нтъ»...

В общем тургеневская выставка производит отродное впечатление: от многих экспонатов трудно оторваться; так интересны и многозначительны они! И дается грустно, когда подумаешь, что все эти драгоценности собраны здесь на короткое время, а потом опять разойдутся по разным рукам!

Эта грусть и досада совершенно отсутствуют при обзорной выставке — толстовской.

Выставка в память Тургенева устроена только для того, чтобы освежить в нас воспоминания о писателе. Пройдет известное время, и тургеневские реликвии, исполняя это назначение, исчезнут для нас. Выставка же имени Л. Н. Толстого, наоборот, и устроена с той, именно, целью, чтобы собрать в одно место и навсегда сохранить толстовские реликвии для всего общества. Выставка это предпринята для устройства музея имени Толстого в Петербурге. Иначе говоря, она должна превратиться потом в постоянное хранилище всего того, что нам дорого в жизни и личности величайшего писателя земли русской.

В этом отношении эта выставка имеет будущее, которого не имеют прекрасная тургеневская выставка. Но зато теперь толстовская выставка далеко не так богата и содержательна, как тургеневская. Она имеет случайный и незаконченный характер, очень неполна и односторонна. И даже по числу экспонатов она гораздо беднее.

Толстовская выставка помещается в трех комнатах великодушного барского особняка на Литейном проспекте. Как и в тургеневской, главное место здесь занимает портретный отдел. Знаменитый старец глядит на нас со всех ступен и почти из всех витрин. Огромное большинство портреты — фотографии и гравюры, как русского, так и заграничного происхождения. Из портретов малыми красками обращают на себя внимание портреты Толстого эпохи «Анна Каренина» работы Н. Н. Ге, и известные портреты работы Ринна. На первом портрете Л. Н. имеет суровое выражение. В нем мало того специфически-толстовского, что так мило и дорого и так хорошо знакомо нам по позднейшим изображениям автора «Войны и мира». Портрет имеет мало заминный с первого взгляда ущерб: он проткнут гвоздем. В свое время Н. Н. Ге перепишет его, и этот проткнутый эскиз будет считаться бракованным. Но, как оригинал, его едва ли не лучше своей не бракованной копии. Портреты работы Ринна («На молитве», «Л. Н. Толстой за работой», «За работой», и т. д.) слишком хороши известны, чтобы о них распространяться. Характерно, что на толстовской выставке знаменитый писатель чаще всего представлен вместе с своей семьей. Огромное количество фотографий и все прекрасны

акварели Л. О. Пастернака изображают его среди семьи, тогда как Тургенев, наоборот, почти всегда одинок. Эта черта семейственности очень характерна для иконографии Толстого и придает ей особенно теплый и милый оттенок.

Иностранные портреты Л. Н. гораздо хуже русских. Лицо Толстого изъезжено на них какой-то библейской-грозный и вместе растрепанный вид. Чужеземному глазу не удалось подметить того, что „сквозить и тайно свѣтить“ въ чисто русском лицѣ великаго писателя.

Среди фотографий обращает на себя внимание огромный свѣтлый портрет работы Прокудина-Горского: это *человѣкъ фотопортрѣя*. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что акварели и портреты масляными красками гораздо жизненнѣе, чѣмъ эта живопись, исполненная самою природою.

Очень интересны портреты Толстого въ до-севастьяновскую эпоху его жизни (офицеромъ); предъ нами вылитый Никола Пугачевъ, съ его вихрами и задумчивымъ взглядомъ неподобья.

Интересны затѣмъ портреты восходящихъ родственниковъ писателя: гр. Ильи Андреевича Толстого (дѣтъ со стороны отца, изображенный въ „Войнѣ и Мирѣ“ подъ именемъ Ильи Ростова), князя Н. С. Волконскаго („А. Болконскій“), гр. Николая Ильича Толстого (отецъ писателя) и воспитательницы Л. Н. его тетки Юшковой. Среди этихъ портретовъ находится величайшая рѣдкость, семейная святыня Толстыхъ: крошечный силуэтъ матери писателя, когда она еще была дѣвочкой. Это — единственное изображение матери Л. Н. Толстого.

Отдѣлъ иллюстрацій къ произведеніямъ Л. Н. Толстого очень богатъ. Тургеневу въ этомъ отношеніи повезло, повидимому, гораздо болѣе.

Великолѣпные рисунки Пастернака къ „Воскресенію“ (они воспроизведены въ изданіи А. Ф. Маркса) почти исчерпываютъ этотъ отдѣлъ. Кромѣ нихъ можно еще указать развѣ еще на небольшіе рисунки И. Е. Рѣпина, Е. М. Бемъ и Н. Н. Ге къ нѣкоторымъ изъ народныхъ разсказовъ Толстого и на нѣсколько журнальныхъ картинокъ — и больше почти ничего. Гораздо обширнѣе отдѣлъ каррикатуръ на Л. Н. и его послѣдователей. Это отдѣлъ интересный; но пре-

Выставка для устройства музея имени Л. Н. Толстого в СПб., в помещении
театрального клуба, открывшаяся 15-го марта, с. г.

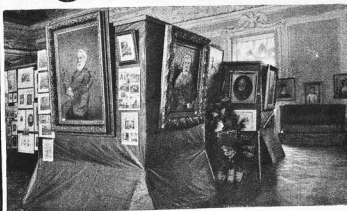

Общий вид одной из зал с иллюстрациями к роману „Воскресение“ Л. Н. Толстого и витринами
с его произведениями.

П. Н. Юшкова, рожд. Кн. Волконская. Кн. С. Н. Вол-
конский, дядя Л. Н. Толстого. Граф И. А. Тол-
стой дядя Л. Н. Толстого со сто-
роны отца.
Земляк из Ю. Игумнов. гр. Толстая, тетя и рожд. Трубецкая. Л. Н. Толстого со
воспитательница Л. Е. бабушка Л. Н. Тол-
стого по матери. стороны матери.
Родовые портреты Л. Н. Толстого.

Выставка в память И. С. Тургенева в Академии наук.

Портреты И. С. Тургенева, диван „самосон“, портрет С. Н. Тургенева (отца),
ружье Тургенева.

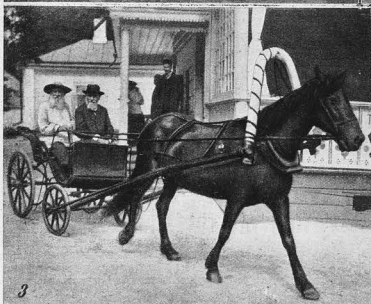
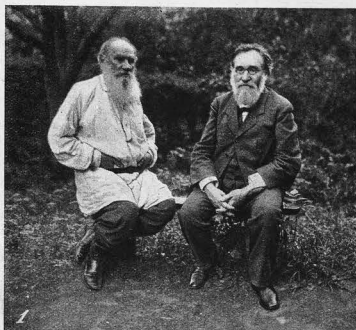

Общий вид выставки.

Ива Мар. 1909 № 16

Илья Мечниковъ у Льва Толстого.

Со снимковъ московскаго корреспондента журнала «Огонекъ» фотографа С. Г. Смирнова.

1) Графъ Левъ Николаевичъ Толстой и профессоръ И. И. Мечниковъ на лонѣ природы. 2) Л. Н. Толстой и И. И. Мечниковъ за дружеской бесѣдой. 3) И. И. Мечниковъ и гр. Л. Н. Толстой отправляются на прогулку въ окрестности Ясной Поляны. 4) И. И. Мечниковъ въ кругу семьи графа Л. Н. Толстого говорить о бактериологii.

Огонекъ 13 = 11011 1303

«Счастливая старость!..» Идиллия в Ясной Поляне.

Оригинальный рисунок Пьер-О для журнала «Огонек».

Огонек 20 июня 1909

Въ Ясной Полянѣ.

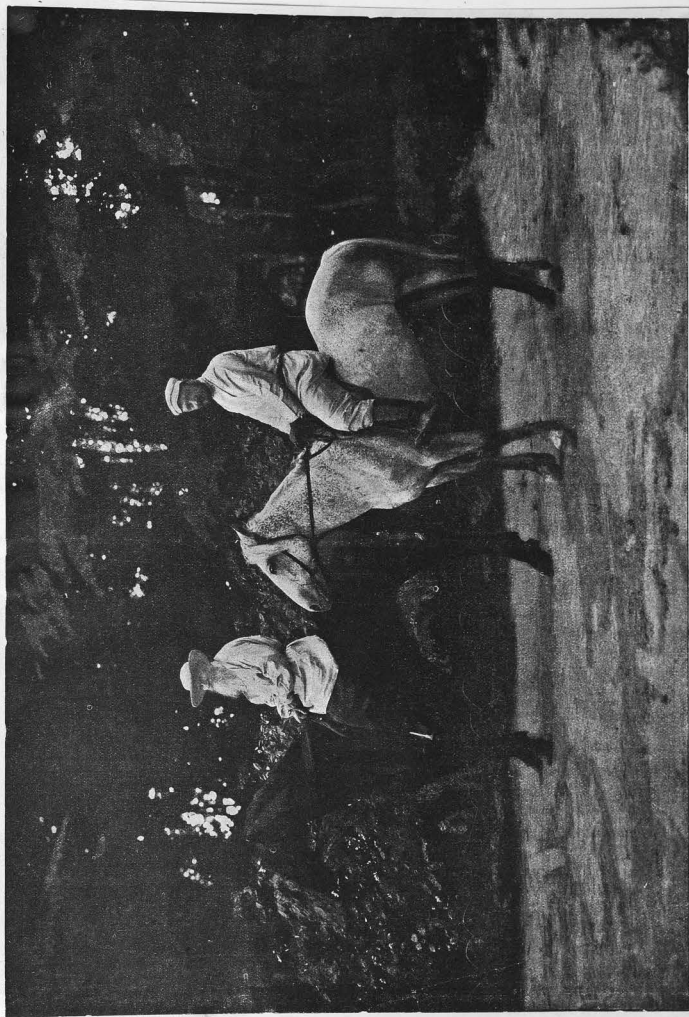

Л. Н. Толстой среди семьи и гостей.

Воскресенье, 13 сентября 1909 г.

„ИСКРЫ“

Съ фот. Ф. Протасевича.

Л. Н. Толстой и членъ Госуд. Думы В. А. Машиновъ.

Наргунъ 18-го Сент., 1909

Выставка русских писателей.

Чинovníки особых поручений при академии наук В. А. Рышковъ, являющийся однимъ изъ инициаторовъ устрáиваемой въ Москвѣ выставки русскихъ писателей XIX вѣка, отправляется на-дняхъ въ провинцію. В. А. Рышковъ посетитъ Псковъ, Владимѣръ, Орелъ, Уфу, Пензу, Саратовъ, Кіевъ, Харьковъ, Одессу, Севастополь и др. города съ цѣлью учрежденія въ нихъ особыхъ комитетовъ для собиранія экспонатовъ для выставки русскихъ писателей XIX вѣка, организуемой „Пушкинскимъ домомъ“.

Открытие выставки предполагается 15-го ноября 1910 г. Она будетъ имѣть 8 отдѣловъ, соотвѣтственно 8-ми историческимъ эпохамъ XIX вѣка. I-й отдѣлъ — первая половина царствованія Александра I до 1815 г. (Державинъ, Карамзинъ и др.). II-й отдѣлъ — вторая половина царствованія Александра I до 14-го декабря 1825 г. (Грибоедовъ, Пушкинъ и пушкинская плеада). III-й отдѣлъ — московскіе идеалисты и философы до 1836 г. (второй періодъ Пушкина, кружокъ Бѣлинскаго, Гоголь съ его романтизмомъ эстетическаго характера до „Ревизора“). IV-й отдѣлъ — эпоха зарождающагося общественнаго самосознанія до 1845 г. (Гоголь-реалистъ, Лермонтовъ, славянофилы и западники). V-й отдѣлъ — эпоха освободительная (Чернышевскій, Плсаревъ, Гончаровъ, Достоевскій, Тургеневъ, Некрасовъ, Остроускій). VI-й отдѣлъ — эпоха реформъ 1855—1863 г. (Тургеневъ, Достоевскій, Толстой). VII-й отдѣлъ — 1863 г. до 1891 г. (народники — Успенскій, Златовратскій, Педеринъ). VIII-й отдѣлъ — конецъ XIX вѣка (толстовская проповѣдь, Гаршинъ, Надсонъ, конецъ Глѣба Успенскаго, Короленко, Чеховъ).

Экспонаты будутъ состоять изъ всевозможныхъ вещей принадлежавшихъ писателямъ: скульптура, рукописи, каррикатуры, автографы, письма, иллюстраціи къ произведеніямъ, портреты писателей, ихъ родственниковъ и друзей, переводы и т. д. Каждый писатель будетъ представленъ 4-ма портретами, изображающими его дѣтство, юность, зрѣлость и старость.

Доходы съ выставки поступать въ фондъ „Пушкинскаго дома“.

Рязь 12^е Навд. 1909

Авторъ драматической передѣлки „Война и миръ“ читалъ ее въ квартирѣ сенатора А. М. Рубинскаго. Передѣлка будетъ поставлена для велико-свѣтскаго благотворительнаго спектакля, какъ гласить, въ присутствіи супруги Л. Н. Толстоу.

20^е Навд. 1909 (по архиву)

Въ литературномъ мірѣ.

Добъхали старина!

Намъ телефонируютъ изъ Москвы о бѣсѣ Л. Н. Толстоу съ вѣчными пачинающимъ литераторомъ А. П. И. Великій писатель уронилъ, между прочимъ, крылатыя слова:

→ Я и свою литературу разлюбилъ изъ-за васъ,—сказалъ Толстой.—Все не въ пользу вамъ: пишете, какъ пѣвочки. Скоро пѣзъ-за васъ пальчани будутъ показывать. Неприличнымъ словомъ станеть литература, какъ проститутка. Былъ, Божію милостію, одинъ писатель,—при этомъ Л. Н. называетъ очень популярнаго балетриста.—Писать хорошо, пока отъ него не запахло навозомъ. Неужели вы думаете, что у насъ не у кого поучиться. Развѣ Достоевскій плохо писалъ? Читайте у него,

Состояніе здоровья Л. Н. Толстоу.

Г. Е. Градовскій получилъ изъ Ясной Поляны отъ графини С. А. Толстоу письмо, изъ котораго приводимъ слѣдующія строки, касающіяся здоровья великаго писателя:

«Мы всѣ встревожены мною. Левъ Николаевичъ ѣздилъ верхомъ, всѣ эти дни, а сегодня, 16-го ноября, поѣхалъ съ дочерью Александрой Львовою въ саняхъ за 7 верстъ, къ знакомой старухѣ. Была метель, и очень много напало всюду снѣгу. До-

Б.Б. 20^е Навд. 1909

Изъ Софіи телеграфируютъ, что во время демонстраціи въ кинематографѣ картинъ, изображающихъ Ясную Поляну, появленіе на экранѣ Толстоу, вызвало бурныя продолжительныя овации. Публика встала. Музыка исполнила маршъ.

Б.Б. 21^е Навд. 1909

Парижскій кварталъ общества исполнителей на старинныхъ инструментахъ, въѣхавъ изъ Москвы въ полномъ составѣ въ Ясную Поляну. Поездка вызвана желаніемъ Л. Н. Толстоу послушать старинную музыку.

Б.Б. 21^е Навд. 1909

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

(По телефону отъ нашего корреспондента).

Состояніе здоровья Л. Н. Толстоу.

«Голосъ Москвы» сообщаетъ, что здоровье Л. Н. Толстоу нельзя признавать весьма удовлетворительнымъ, хотя онъ чувствуетъ себя недурно, гуляетъ и много читаетъ. Часто на него находитъ сонливость. Иногда онъ засыпаетъ, сидя на диванѣ. Вообще, замѣчается у Л. Н. нежеланіе гулять, ѣздить верхомъ и двигаться, какъ раньше.

Рязь 22^е Навд. 1909